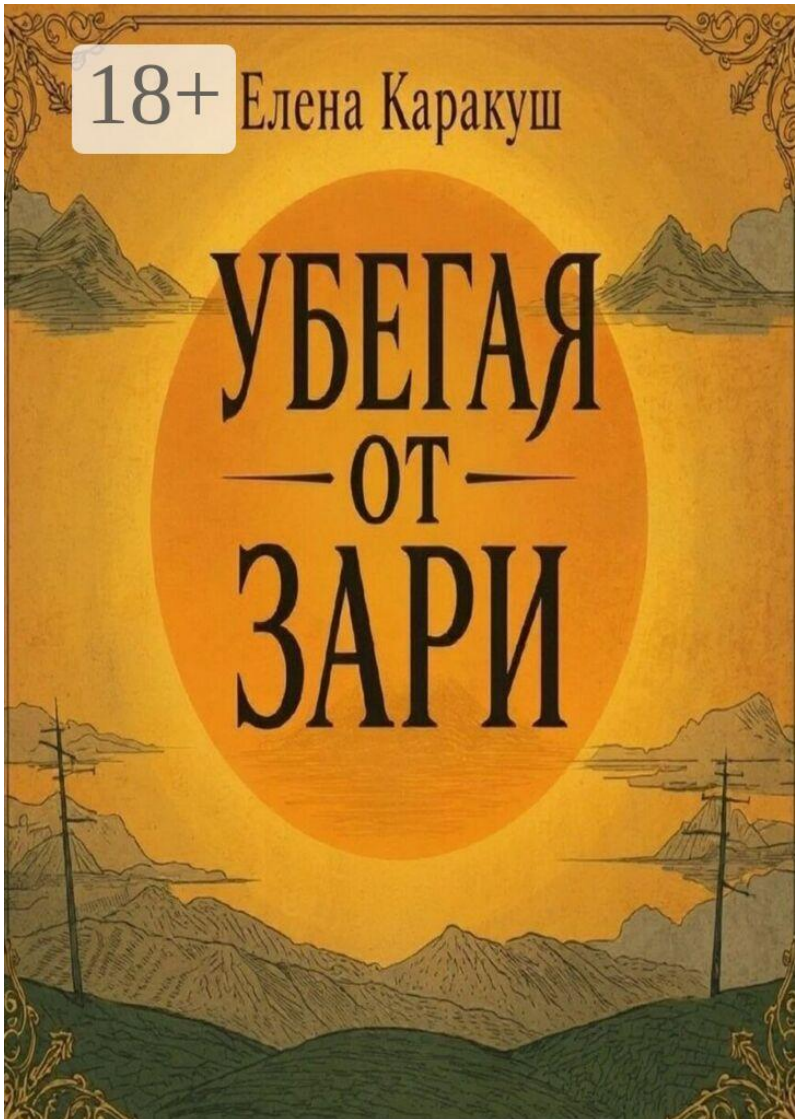

18+ Елена Каракуш

УБЕГАЯ — ОТ — ЗАРИ

Елена Каракуш

Убегая от зари

<https://litres.ru/74340888>

ISBN 9785007096911

Аннотация

Действие романа происходит в 1920-х годах. В основу сюжета легли реально происходившие события.

В центре повествования — семья «единоличников», живших уединённо в лесу. После жестокого нападения они решаются на отчаянный шаг — эмиграцию в одну из стран Европы. Тяжёлая дорога проверяет на прочность не только силы, но и отношения: лишения и неожиданные встречи обнажают характеры, срывают маски и заставляют по-новому взглянуть на самих себя.

Содержание

I	5
II	27
III	57
IV	70
VI	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Убегая от зари

Елена Каракуш

© Елена Каракуш, 2026

ISBN 978-5-0070-9691-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Некоторые из описанных событий
происходили на самом деле...*

I

Летом стояла невыносимая жара. Из-за этого повсюду развелись тучи насекомых: оводы, слепни, комары и мухи, какая-то мелкая мошкара. Если надумаешь идти за хворостом в лес, или ягоду какую собрать, считай потом всю ночь от зуда проворочаешься. Ничего не помогает отпугнуть мошкару, ни гвоздичное масло на спирту, ни уксус на полыни. Разве что рыбий жир, но потом не отмоешься.

Из-за этого приходилось Аньке заворачиваться в тряпки и ходить как старая ведьма, но ей так даже больше нравилось. В такой одежде она чувствовала себя в безопасности, как будто невидимка. Путники не всматривались в черты лица или отводили глаза, а из-за тёмного цвета одежды Аньку почти не было видно в лесу.

Вчера мужики говорили, опять Степан со своим отрпьем заявился на село. Всех девок распугали, кто в подвале заночевал, а кто под сеном на чердаке. А несколько и вовсе в лес сбежали, в землянках прятаться. Деревенские их вырыли ещё в начале всей этой неразберихи с новой властью, для схрона еды и ценных вещей, у кого они остались конечно. Да только всё равно найдут. Скоро небось всей деревней в лес жить уйдут. Две недели как они тут околачиваются. Уже третий раз за последний год в их края заявляются.

Никак Стёпка со своими дружками не могут забыть своё

залихватское и беспредельное прошлое у Лёньки Пантелеева¹. Как того убили, так все как крысы разбежались по провинциям. А этих вообще в такую глушь занесло. Но говорят Стёпка чекистами завербован и катается круглый год по деревням и сёлам, в первую очередь, конечно, чтобы вычислять противников Советов, ну и по наводкам, в поисках старой белой гвардии. А уж грабежи и разбои это у них так, больше для души, чтобы старых навыков не потерять. Вот так быстро теперешняя власть «переобувается», то они особо опасные преступники рецидивисты, а то чекисты в фуражках. Скольким людям жизнь испортили, сколько домов разграбили. Девочек насильничают, мужиков бьют толпой, свиней режут, лошадей угоняют. Какая-то вакханалия творится кругом. Сколько крови и слез... И не счесть. А им всё забава.

От всего происходящего у Аньки один ужас был в груди и страх. От этого точно средств никаких нет, а то она вся бы им обмазалась. Но спасение будет видимо не скоро. Это было то время, когда человек остаётся один. Один на всей Земле. Люди вроде бы сплачиваются в тяжёлое время, но в моменты опасности просыпалось в них что-то жуткое, нечеловеческое, и все понимали, что теперь каждый сам за себя.

Это было то время, когда «предать» могут твои малень-

¹ Петроградский налётчик. Рабочий, участник Гражданской войны. Работал в Петроградской ЧК. Будучи уволен из ГПУ, в 1922 году организовал банду, совершившую ряд дерзких разбойных нападений. Убит при попытке задержания.

кие дети за банку леденцов или коробку печенья. А новоиспечённая власть запросто может расстрелять из-за фантазии ребёнка. Да что и говорить если теперь и конфеты пропаганда. Вместо «Аскольда» везде «Потёмкин» и карамельные «Авроры». И нет уже цветных и ярких конфет, так нравившихся Аньке в детстве, теперь только одноцветные тусклые обёртки в грязно-серой бумаге. Везде идеология, даже цветные и нарядные фантики стали ненужной роскошью, которая напоминала о красивой жизни буржуазии.

Гражданская война... когда делят власть и деньги, а простой человек может спастись только бегством. Или жить как зверь в лесу. Прятаться под землей и спать на сене. Или ещё хуже, поступиться со своей совестью, пойти на предательство и прислуживать убийцам. Вариантов много, но все они ломают человека. Кто пережил войну, не будет уже прежним, а животный ужас пропитывает всё тело человека и остается с ним до конца жизни. Они говорят, что борются с классом эксплуататоров, воевавшего против рабочих и крестьян. И как будто не видят, как стонут рабочие и крестьяне под этим новым рабским игом, только теперь уже большевиков. Все потеряли себя в надежде на скорое освобождение, но его видимо не предвидится. Как будто бы ночь воцарилась в России, и она становится ещё беспросветнее, а жизнь простых людей — ещё более тяжелой. Всех подавляют, и никто уже не верит в самую возможность правды и справедливости. Это была уже не жизнь, а выживание, тоскливое и безрадостное

движение к концу.

Только об одном и думала Анька, хоть бы не тронули Алёшку и Прасковью Романовну. Анькин маленький сыночек Алёшка был для неё единственным утешением в это время. Он не отходил от неё ни на шаг если она была дома, а только за порог ступит, так и он за ней следом. Но Анька Алёшку никуда не выпускает уже третий месяц, боится за него, да и за всю семью. Пусть он плачет и рвётся, она всё равно не пустит. Они с мамкой нарисовали Алёшке букварь, хоть какое-то развлечение и польза, а коли читать научится, то может выйдет из него думающий человек.

Книг теперь и не достать. Уж третий год как не могут разобрать какие буквари и учебники печатать. Новая власть всё никак не определится, где будет пропаганда Царской России, а где её нет. Пока они там в тяжелых раздумьях, как раз все дети и повывают, если конечно смогут выжить в этой мясорубке.

В Анькиной голове только и были мысли, что про спасение, да про ужасы войны. Надо меньше за мужиками подслушивать. Меньше бы страху в голове было и не была бы такой рассеянной. Третий раз бельё поласкает, сколько воды извела. Опять таскать придется, мать увидит и опять заругает. Ну точно, идёт уже.

Из-за сарая показалась фигура, быстрым и лёгким шагом направлявшаяся к стирающей бельё Аньке. Только вблизи можно было понять, что идущая женщина была в годах: во-

круг глаз была россыпь мелких морщин, свойственная для много улыбающихся людей и мудрый взгляд озорных васильковых глаз.

Прасковья Романовна всегда искала, что-то хорошее и положительное в любых ситуациях, поэтому почти всегда улыбалась или подшучивала над всеми. Одета она была в простое платье из ситца, а на голове был самотканый ярко-синий платок с примесью льна.

Пошив одежды в их семье в основном лежал на Прасковье Романовне, это была её вотчина. Хоть и трудная это была работа, всю семью обшивать, но ей нравилось, и Алёшка всегда помогал. Вся одежда и нижняя, и верхняя была из холста, но Прасковья Романовна его делала тонким, нарядным и красочным. Руки у неё в этом деле были золотыми. А так если и посмотреть, то и всех других делах тоже.

Ивану Кузьмичу с Игнатом на лето Прасковья Романовна пошила холщовые пиджаки, штаны, да рубахи-косоворотки. Даже сплела им красивые поясочки и кисеты с вышивкой для табака. Себе и Аньке нашла поневу да моркневые сарафаны для церкви. Только теперь и в церковь не сходишь. Так что теперь все наряды лежат до лучших времен в сундуке.

Прасковья Романовна остановилась и с напускной строгостью сказала:

— Ань, ну ты развела тут пруд! Совсем воды не бережёшь, самой ведь таскать придётся. Игнат тебе не помощник, сама знаешь.

— Ничего мам, натаскаю. Когда работаешь всё мыслей меньше. Как начинаю думать, про что мужики на днях говорили, так все поджилки трясутся. Неужто и до нас дошло всё это? Зачем мы им сдались? — С тоской в голосе сказала Анька.

— Не горюй Анька, всё когда-то заканчивается и это пройдёт. Пойдём лучше в хату. Там Алёшка опять канючит, на улицу просится. Может в лес возьмёшь его? Нельзя же малого как в клетке держать целыми днями? — Попыталась приободрить Аньку Прасковья Романовна.

— Мам, ну хоть ты не начинай! То Игнат отчитывал, теперь ты! Ничего не сделается ему, авось не помрёт. Зато целее будет, и мы вместе с ним. Лучше помоги бельё отжать, сил совсем уже нет. Хорошо хоть валёк² ещё цел, а то без рук останусь скоро. Надо Игнату сказать пусть ещё мне нарежет, а то без колотушки совсем тяжко. И щелок³ закончился, надо ещё напарить. Вечером ещё надо будет порубить⁴ бельё, так что в лес может и не поспею.

— Бельё и я могу порубить и щёлок напарю, а ты в лес сходи, проветришь, а заодно травы мне кое какой насобираешь с ягодами и на счет Алёшки подумай, а то дикарёнком

² Деревянная платина с короткой ручкой, предназначенная для стирки белья. Этой небольшой деревянной лопаткой «валяли» или «клепали» выстиранное бельё на камне или на доске на берегу.

³ Средство для стирки белья, изготавливалось из раствора золы.

⁴ Процесс глажки белья.

вырастет! Помяни моё слово, будешь потом с веток его снимать. — С хитрой улыбкой сказала Анькина свекровь.

Подтрунивать Прасковья Романовна умела и всегда попадала своими шуточками не в бровь, а в глаз. Она то точно знала, как Анька за Алёшкино будущее переживала и хотела вырастить из него настоящего человека.

Анька строго посмотрела на свекровь, но тут же рассмеялась, потому что та, как обычно в любой неловкой ситуации начала что-то напевать себе под нос. Прасковья Романовна обожала музыку и знала наверно тысячи разных песен наизусть. При чём на каждый случай у неё как будто бы уже была заготовка. Она никогда не пела на публику или для того, чтобы ей восхищённо смотрели в глаза. Только по случаю и только для собственного удовольствия.

Все говорят, что я ветрена бываю,
Все говорят, что я многих люблю!
Ах, почему же я всех забываю,
А одного я забыть не могу?

Весело подмигнув Аньке, Прасковья Романовна закружила её в танце.

Анька всегда поражалась такой лёгкости ума Прасковьи Романовны и такой детской её непосредственности. Свою свекровь Анька называла и считала второй матерью, очень её любила и уважала. У неё так жить не получалось, она все-

гда была в тревоге и в вечных беспокойствах.

Развеселив немного Аньку, Прасковья Романовна помогла ей скрутить бельё и растащить его на верёвках, после чего они вдвоём пошли в сторону дома. Прасковья Романовна шла впереди, хотела успеть быстрее к печке, уже должна была подняться каша, а Анька шла чуть поодаль, не поспевая за ней. Вся спина ныла от стирки, руки все распухли и гудели, теперь минут двадцать будут трястись от напряжения.

В деревне у всех был свой круг обязанностей. Анька с Прасковьей Романовной ухаживали за скотом, пряли пряжу, ткали новины, шили нижнюю одежду, стирали бельё, готовили еду само собой, делали заготовки на зиму, с Алёшкой по очереди возились, особенно, когда совсем малюткой был, ходили в лес за хворостом и ягодами, собирали грибы. Всё остальное по хозяйству вели Иван Кузьмич и Игнат: пашню, посев и уборку в положенный срок, избу чинили, конюшню, и вообще, за всеми постройками приглядывали. Все зимние короткие дни и долгие вечера Анька с Прасковьей Романовной сидели за прялками и ткацким станом. Но самая тяжелая работа была в выращивании льна и его превращение в ткань.

Иван Кузьмич сильно жалел Прасковию Романовну с Анькой и выменивал уже готовую пряжу на мёд. Да и сажать лён теперь уже негде, сейчас не было у них столько пашни как раньше.

Чтобы нитки были мягче Анька мотала пряжу на бодоги, а уже потом Прасковья Романовна их валяла в золе и в печку

парить ставила. Горячие мотки доставали из печки, и Анька бегом на речку бежала их полоскать. Вода ледяная, на улице холодно, руки зябнут. Как руки совсем задубеют Анька их засунет в теплые мотки, погреет чуть-чуть и снова поласкает. А когда уже и мотки ледяные, то руки под тулуп засунет и на животе греет. Сырые мотки сушили дома, а сухие уже красили в разные цвета.

Холст у Прасковьи Романовны всегда мягким получался, наверное, потому что характер у неё такой же мягкий был. Для рабочей одежды она делала холст серого, чёрного и коричневого цвета, а для праздничной ярко-красного, желтого или голубого. Для покраски Анька собирала в лесу кору деревьев и травы. По этому делу она у них главным специалистом была. Вдвоём они ткали не только одежду, но и много чего другого: половики, одеяла, простыни, наволочки, подзоры⁵, салфетки. Украшали подзорами и кровати. Украшение одежды кружевами и вышивание Прасковья Романовна считала уже не таким изнурительным, это было для неё скорее легким и радостным занятием.

Зайдя в дом, женщины увидели уже привычную для них картину. Алёшка свесился с печки головой вниз и наизусть рассказывал алфавит. Ну пока не весь, а только что запомнил, а запоминать он не особенно любил, ему больше вниз головой висеть нравилось.

Рядом с печкой, внизу, положив голову на передние длин-

⁵ Оборка, кружевная кайма, используемая для украшения.

ные лапы, лежал пес дворовой породы Сашка и тихонько поскуливал, видно переживал за Алёшку, прямо как родитель.

Алёшка был вечно в движении, всегда ему до всего было дело. Он всем подряд задавал тысячи вопросов обо всём на свете. Когда Алёшка только родился, он был пухлым младенцем с огромными глазами, как у бабушки василькового цвета и светленькими жиденькими волосенками. Почти никогда не плакал, только ел и спал, и с огромным интересом за всем наблюдал. Сейчас он, конечно, вытянулся и его голову обрамляла копна густых каштановых волнистых волос, но глаза остались всё такого же озорного василькового цвета.

Алёшка никогда не требовал себе компанию. Мог играть сам с собой и, как только научился ходить и говорить, всегда напрашивался в помощники. Бывало, Анька идет за водой к колодцу, Алёшка берет самую большую кружку и тащится за ней следом. Анька идет обратно с двумя ведрами на коромысле, и Алёшка гордо шагает следом с вытянутыми вперёд руками, в которых держит кружку, наполненную водой. Никто не обращал внимания, что по дороге он почти всю воду расплескал, а Анька с Прасковьей Романовной его всегда хвалили. Поэтому, наверное, Алёшка и не растратил свой энтузиазм в домашних делах. Даже если у него не выходило или он ломал что-то, Прасковья Романовна всегда говорила, что в следующий раз получится лучше.

Алёшкина заветная мечта была стать лётчиком. И откуда он это в голову себе вбил? Один раз от соседа Якова слышал

о летающих машинах и всё остальное потеряло смысл. Яков ещё, как на беду, рассказал Алёшке про какой-то орган в голове, который должен быть готов к любому положению человека, что для лётчика жизненно-необходимо. Бедный ребёнок теперь постоянно вниз головой висит и кружится без конца, так сказать, готовит себя к экстремальным нагрузкам. И ведь какой упёртый, 5 лет всего, а характер, как у взрослого уже. Никакие игрушки надолго его не занимают, только бы с печки прыгать, как из горящего самолета или вниз головой висеть.

Увидев мать, Алёшка быстро спрыгнул с печки и бросился к ней на шею. Анька уходила из дому, ещё не светало даже, а возвращалась ближе к вечеру и всегда уставшая, на него сил чаще всего не оставалось.

Сколько раз Алёшка просился в помощники, всё без толку, почти никогда его не брала. Сначала говорила маленький, теперь говорит, украдут. Алёшка обижался страшно, потому что очень уж нравилось ему в лесу. Всё ему там казалось сказочным и высокие сосны с огромным пушистыми ветвями, и куча разных птичьих голосов. Все его фантазии, так или иначе, всегда были связаны с лесом. Вот он живет в огромном доме в самой чаще леса и спасает раненных медведей. Или вот, например, он стал отставным военным лётчиком и живёт отшельником на краю леса, и оленей солью подкармливает. Или самая его любимая, как он пожары лесные тушит, которые, по его мнению, всегда драконы поджигали.

И откуда он только про этих драконов узнал? Скорее всего опять влияние Якова сказалось. Тот, в свойственной ему манере, не мог Алёшку чем-то интересным не впечатлить.

Чуть повзрослев, Алёшка отказался от идеи жить отшельником в лесу, но про драконов так и не передумал. Скорее всего его рогатка, которую он не выпускал из рук была для защиты от них же.

Сейчас Алёшка стал больше жалеть мать и меньше на неё обижаться, видел, как она устаёт. Отец Алёшки по ночам теперь только приходит и то не каждый день. Алёшкин дедушка говорит, что он в лесу работает, деревья валит. Но Алёшка знал, что все местные мужики и ребята постарше в лесу прячутся. Подслушал с печки как мамка с бабулей про это говорили. Только от кого прячутся он так и не понял. Естественно, у него были свои соображения на этот счёт, конечно же в основном про драконов, но вслух он свою теорию обычно не озвучивал, чувствовал тут какой-то подвох имеется. Не всё так просто с этими драконами.

Алёшка был маленький ещё и не знал, что взрослые могут других людей бояться. Не мог Алёшка даже в своей самой страшной фантазии представить, что люди бьют друг друга и даже убивают, стреляют и ножами колют, жгут и за шею подвешивают. Слишком маленьким был ещё Алёшка и представления не имел, что прячутся люди друг от друга.

Родился Алёшка в лесу, в отцовском доме, который уже три поколения их семьи повидал. Только два раза за всю

жизнь он в селе был. Первый раз с отцом на телеге за подарком для мамки ездили, а во второй раз его на деревенскую свадьбу взяли.

Почти вся еда у них своя была. На небольшом огороде умудрялись выращивать тыкву с репой, ячмень, рожь, картошку с морковкой, даже была капуста и свёкла. На их семью с лихвой хватало. На зиму грибов сушили, ягод много из лесу наносили. Была и скотина в сарае, куры были. Дед с пасеки много мёда приносил. Поэтому Алёшке в этом плане повезло, никогда он голодным не ходил.

Алёшкин дед — Иван Кузьмич, был молчаливым и редко когда его видели без дела. Всегда он был чем-то занят, что-то вечно строил, мастерил, чинил, либо целыми днями на пашне пропадал. Алёшке его дед казался каким-то сверхчеловеком, который может сделать и починить всё что угодно и никогда при всём своём тяжелом труде не устаёт. Ну по крайней мере, жалоб на этот счёт от него не поступало. Никогда Алёшка не видел, чтобы дед болел или жаловался на здоровье.

Иван Кузьмич был очень высоким с копной кудрявых седых волос и большой всегда аккуратно подстриженной бородой. За этим, как водится, тщательно следила Прасковья Романовна. Глаза у Ивана Кузьмича были светло-голубыми, почти прозрачными, всегда смотревшие на Алёшку с добротой.

Прасковья Романовна рассказывала Алёшке, что у его де-

да была трудная судьба, с тяжёлыми испытаниями и все их он прошёл с честью и достоинством. Она рассказывала, что Иван Кузьмич воевал в большой войне и был в плену, но каким-то чудом избежал расстрела. В последний день перед казнью его и ещё троих пленных по ошибке перевели в другой барак. Пока разобрались кто и где, пришли союзники и всех освободили. После этого Алёшкин дедушка несколько месяцев жил в лесу, пешком продвигаясь в сторону границы домой. Он неделями голодал и однажды чуть не замерз насмерть, но почему-то ему всегда везло и в последний момент он спасался. Прасковья Романовна сказала, это для того, чтобы Алёшка смог в дальнейшем появиться на свет.

Сейчас его дедушка, просто наслаждается жизнью, поэтому и работа не кажется ему тяжелой, по сравнению с тем, что он пережил. Но у Алёшки на этот счёт были свои мысли, поэтому он всегда с прищуром наблюдал за дедом, чтобы не пропустить что-нибудь важное, например, как тот костёр без спичек разжигает только дунув на дрова. Алёшка точно знал, что не всё так просто с дедом, и что тот, скорее всего, какой-то сверхсилой обладает, поэтому ни с кем особенно и не разговаривает, потому что боится проболтаться ненароком.

Самым верным, и на данный момент единственным другом Алёшки был его пёс Сашка. Очень уж Алёшке хотелось иметь друга, поэтому и назвали его человеческим именем. Сашка был чем-то похож на волка как, впрочем, и большинство дворовых собак в России. Размером он был чуть меньше

овчарки, с шерстью тёмно-коричневого цвета и с умными, преданно глядящими на своих хозяев тёмно-зелеными глазами с пятнами орехового цвета. Уши у Сашки были очень большими и всегда стояли торчком, поэтому Анька всегда шутила, что Сашка шпионом подрабатывает, подслушивает всегда за всеми.

Сашку принёс Алёшкин папка два года как уже. Попал Сашка под его телегу, весь изранился. Анька его выходила, хотя других забот хватало, но не могла смотреть, как Алёшка убивается из-за щенка. До сих пор Сашка ходит немножко кривовато, а когда хвостом виляет как будто танцует, весь зад ходуном ходит. Может быть конечно это и не из-за травмы вовсе, а просто потому, что у Сашки хорошая пластика? Кто знает?

В своих походах, которые в основном происходили на территории двора, Алёшка никогда не расставался с рогаткой, которую ему смастерил Иван Кузьмич. Всегда за поясом её носил как боевой наган. Применял он её при этом, не по тому назначению как обычно мальчишки используют, а в основном для Сашкиной безопасности. Никто, конечно, не понимал какая Сашке опасность грозит, но все с умным видом Алёшку хвалили за такое беспокойство за товарища.

Алёшка так свыкся с Сашкой, что умудрился уговорить всех домашних чтобы его друга оставили жить в доме, в сенцах, а не как у людей в деревнях на цепи во дворе. Анька с Прасковьей Романовной присмотрелись к Сашке и разре-

шили, очень уж умный тот был, как будто человек, только сказать ничего не может.

Сашка после своего окончательного выздоровления смотрел на Аньку как на богиню, свою спасительницу. И всё ей разрешал, и полотенцем по хребту пройти, когда он на проходе развалится, и даже не огрызнется, когда Анька ненароком хвост ему прищемит или лапу отдавит. Сашка знает, что она любит его и всегда отвечает ей взаимностью.

Бывало, Анька придёт с огорода, спина ломит и руки не гнутся, так Сашка ляжет рядом с ней, морду на руки положит и лежит, не шевелится, пока руки дрожать не перестанут. Или к спине прижмется и греет Анькину поясницу.

Для Алёшки Анька тоже была как богиня, потому что красивая была очень и добрая. Никогда она его не ругала, только если по мелочам. Никогда им не командовала, попросить могла и то всегда добавляла, если тебе не трудно сынок. Хотя Алёшка и немногих женщин в селе видал, но всё равно точно знал, его мамка самая красивая.

Волосы у неё длинные, каштанового цвета, почти за пояс заходят и чуть волнами, а на висках кудряшки. Анька всегда их в косы заплетает и укладывает «в корзинку», а Прасковья Романовна свои обвивает вокруг головы «короной» или «венчиком». Алёшка всегда с самого раннего детства с большим интересом наблюдал за этим волшебством. Как это из огромной копны длиннющих волос вот такая конструкция получается которую почти и не видно?

Глаза у Аньки зеленые, а иногда становились серыми, это когда она сердится пытается или злится на кого-то. Алёшка давно заметил, что на отца его мамка всегда смотрит зелёными глазами. Наверное, потому что любит очень ну или не злится на него никогда, одно из двух.

Фигура у Аньки точёная, будто бы и не в деревне выросла, а всю жизнь в корсетах проходила. Это про неё так всё время Прасковья Романовна говорит. Алёшка про корсеты ничего не знал, хоть ему и объясняли много раз, но он так и не понял, что это за одежда такая, из-за которой мучаться нужно. А когда услышал, что это только для женщин, сразу и забыл напрочь. Всё, что для женщин Алёшку не интересовало, он не хотел занимать память в голове не нужной ему ерундой. Тем более Яков ему сказал, лучше много всего не запоминать, а то места в голове ограниченное количество и может в какой-то момент не хватить. Вот Алёшка и пытался запомнить только важные, как ему казалось, события и нужную для него информацию.

Яков был для Алёшки как радио транслятор. Это был невысокий старик с вечно смеющимися глазами цвета медовой карамели. Яков, как и все мужчины крестьянской России, был с бородой. Почти с такой же бородой как у его закадычного друга Ивана Кузьмича. Так как за её состоянием после смерти его жены также бдительно стала следить Прасковья Романовна. Яков всегда курил трубку, от чего пальцы на его руках были желтого цвета и периодически мучил кашель.

Прасковья Романовна соткала Якову два больших кисета под табак, отчего Иван Кузьмич с ней потом не разговаривал два дня, взревновал видимо сделал заключение Алёшка.

Яков всё про всех знал и много, где бывал, так как много лет прослужил на морском корабле. Сначала на военном, а потом на торговом. Да и сейчас вечно в каких-то разъездах. Чего стоит только его поездка в районный центр, про которую Алёшка слушал Якова с открытым ртом. Анька даже смеялась над ним, чтобы моргать не забывал, а то глаза усохнут. Алёшка так был сосредоточен на рассказах Якова, что мамкиных шуток не слышал. Алёшка знал, что нельзя терять ни секунды и ни на что не отвлекаться, когда Яков рассказывает какую-то историю, так как он никогда не рассказывал об одном и том же дважды.

Каждый раз Алёшку ждал новый захватывающий рассказ. Он рассказал про самолёты и про лётчиков, про корабли и море, про людей и животных. Алёшка был очень удивлён, узнав, что такое море и, что оно оказывается совсем солёное. Он почему-то до этого думал, что вся земля — это лес с небольшими проплешинами для районных центров и деревень. От Якова Алёшка узнал про другие страны и людей, говорящих на разных языках. Алёшка долго не верил Якову, когда тот рассказал, что есть люди с разным цветом кожи.

Анька была очень благодарна Якову за то, что он просвещает сына. Книжек у них дома не было, сама она грамоте 3 года только отучилась в церковно-приходской школе, а по-

том забросила всё, матери стала помогать. Жизнь в деревне всегда была тяжелая, работать надо было, так и учиться не пришлось, да и ходить не в чем было. Было две одежды одна для работы и один сарафан в церковь ходить. Но по характеру Анька была очень любознательная, всегда с интересом слушала рассказы стариков и любила наблюдать за людьми. Игнат тоже не очень-то учёный был, поэтому, когда Яков, приходил к ним, встречали и угощали его, как самого дорогого гостя.

Прасковья Романовна и одежду правила для него, если требовалось. И на ночь даже оставляли, если засиживался допоздна. Яков почти никогда не отвечал на Алёшкины вопросы и расспросы, воспитывая таким образом в нём терпеливость и рассказывал только то, что считал нужным. То, что могло вдохновить маленького мальчика Алёшку на будущие свершения и победы.

Все вокруг оберегали Алёшку, как могли. Среди единоличников (так называли всех, кто жил в лесу или в полях, а не в селе) Алёшка был единственным ребёнком, и все считали его своим родным, настолько он был открытым и радостным.

Яков отвлекал его своими завораживающими рассказами. Иван Кузьмич с Игнатом всегда давали дельные советы, если Алёшка к ним за ними обращался и учили обращаться с инструментом. Анька его всегда ласкала и зацеловывала. Хотя это было и не принято в деревне ребенка нежить, особенно

мальчика, но Анька хотела, чтобы Алёшка знал и постоянно чувствовал её любовь. Прасковья Романовна делала специальные подушки для Алёшки, набитые еловыми мягкими иголками и на ночь всегда давала выпить мяты с ромашкой или молока с мёдом, чтобы крепко спал всю ночь.

Аньку это успокаивало, не хотела она, чтобы он услышал, о чём мужики по ночам говорят. Не хотела она, чтобы в таком раннем возрасте Алёшка начал бояться своей тени, как этого боялась она сама. Единственной отдушиной для Аньки был приход Якова, он отвлекал Алёшку и занимал его. Все дни после ухода Якова, Алёшка был занят только этими рассказами. Он по несколько раз всем пересказывал его истории, непременно добавляя какие-то подробности или незначительные детали от себя. Всё семейство делало вид, что слышит рассказ в первый раз и никогда Алёшку не поправляли. Анька знала, что ещё детей она вряд ли сможет выносить, надорвалась на тяжёлой домашней работе, да и с этой войной вряд ли получится вырастить младенца. Поэтому, можно сказать, что Алёшка жил в очень уютной и тёплой атмосфере, если не считать внешних обстоятельств, о которых он даже не догадывался.

Когда Анька слушала Якова, его уверенный, спокойный голос, то даже она чувствовала себя в безопасности и на некоторое время забывала о всём том кошмаре, который творился за пределами их леса. В это не простое время, лес был их главным защитником, как волшебное покрывало укрывал

от непогоды и как скатерть самобранка всегда угощал Алёшкину семью самыми сладкими ягодами, грибами и лесными орехами.

Лес успокаивал, качающиеся огромные ели и сосны были словно безмолвные защитники, в жару спасали от зноя, укрывали под своей кроной от дождя. Хвойный запах спасал даже от мигрени. Если на Аньку тоска накатывала или уставала сильно, ей и двадцати минут хватало чтобы восстановить свои силы. Обычно уходила на свою любимую поляну, глубоко вдыхала лесной воздух, садилась рядом с любимой сосной и сидела так с закрытыми глазами. Вся усталость и тоска сразу проходили. Анька так сидела и мечтала о том, чтобы у неё хватало здоровья и сил на семью, чтобы могла продолжать работать. Потом она мечтала о том, чтобы скорей закончилась война, и чтобы больше не было слышно в лесу стрельбы и не было видно чёрного дыма от горящих в селе домов, чтобы никогда не слышать рассказов об убитых знакомых и родных, чтобы просто можно было жить и не бояться. И всегда благодарила все высшие силы за всё, что у неё есть.

Выходя за Игната замуж, Анька очень боялась уходить жить к нему в лес, а теперь и не представляла, как можно было жить по-другому. С рождения Алёшки она только пару раз в деревне была и ни капли об этом не жалела.

С Игнатом Анька познакомилась, когда ей не было и семнадцати лет. Он ей сначала жутко не понравился, подумала,

какой-то угрюмый черствяк, с таким от тоски усохнуть можно.

Игнат действительно был молчаливым. Но когда смеялся, все вокруг начинали улыбаться, не могли сдерживаться, настолько он заражал всех своим обаянием. Вот и Анька, когда слышала первый раз как он шутит и смеётся, не могла отвести глаз и рассмотрела его по-настоящему.

Высокий, почти в три аршина ростом. Глаза синие, бездонные, а волосы густые, темно-русые. Большие могучие руки, как Илья Муромец из сказки. В молодости у Игната была быстрая и уверенная походка. Казалось, что он настолько силен и могуч, что может любую ёлку в лесу в узел завязать. Всю свою жизнь Игнат с отцом в лесу на пасеке прожил. В двадцать лет ушёл на войну и через четырнадцать месяцев вернулся с ранениями, полученными от разрыва снаряда. От полученных травм Игнат стал прихрамывать, и левая рука плохо слушалась. Но он никогда не жаловался, всегда работал за двоих и помогал всем, кому было нужно. Такой он был человек.

Вообще, вся их семья и пришедшая в неё Анька были не похожи на других людей в селе. Все они были очень дружными, никогда не жаловались друг другу ни на кого, все они были как одно целое, чувствовали друг друга. Это было редкое единение душ.

II

Всё утро Анька не находила себе места. Прождав мужчин до поздней ночи и не обнаружив их дома утром, она слонялась по дому из угла в угол. Прасковья Романовна тоже заметно нервничала, но в свойственной ей манере пыталась не подавать виду. Что-то должно было случиться, раз никто из них не вернулся. Одно утешало, что если бы их убили, то они бы точно об этом знали, из села бы уже донесли.

— Мам, может я пойду в село узнаю, что там в лесу творится? — Тихо спросила Анька, сидя у окна, не отрывая глаз от калитки. — Может им помощь какая нужна? Ну нельзя же просто сидеть и ждать?

— Ох, не знаю я Ань, что и делать? Тебя если поймают, то я совсем с ума сойду. Так нельзя, надо что-то другое придумать. — Заметно волнуясь, тихо ответила Прасковья Романовна, боясь разбудить спавшего на печке Алёшку.

— Мам, сейчас некогда думать понимаешь? Сейчас каждая минута на счету. Пусти меня. А? — Ища поддержки у свекрови, снова спросила Анька.

— Ань, ну вот что мне с тобой делать? Иди коль так считаешь, ты уж и не маленькая, чтоб я тебе разрешение давала. — Понимая, что Анька права, сказала Прасковья Романовна.

— Ты знаешь мам, что я не потому разрешение прошу, что маленькая, а потому, что мне надо, чтобы ты согласная

была и обиду не затаила, что поперек твоему слову что-то делаю.

— Ну иди дочка. — Тихо ответила Прасковья Романовна.
— Может и правда, что узнаешь? Если в деревне никто ничего не знает, ты там не задерживайся, сразу домой возвращайся. Главное Стёпкиной банды избегай. Если кого заметишь незнакомого сразу домой беги.

— Хорошо, мам, я буду осторожной.

Прасковья Романовна обняла крепко Аньку и перекрестила её на дорогу. Анька вышла в сенцы и там же быстро накинула свой выходной «наряд», в котором за минуту превратилась в бездомную старуху. На голову она повязала черный платок и, как обычно, взяв золы из печки, быстро обтёрла ей руки и лицо. Выйдя на улицу, Анька сдвинула платок почти на самые глаза и быстрым шагом вышла из двора.

Чтобы точно никого не встретить, Анька решила пойти через лес, так и короче получалось: быстрым шагом меньше получаса.

По лесу Анька двигалась почти бесшумно, только изредка наступала на сухие ветки, от которых раздавался характерный звук. Она так волновалась, что не слышала ничего вокруг, только сильный стук своего сердца и прерывистое дыхание. От волнения за мужа и свёкра горло у неё как будто бы сдавило, и Анька всерьёз стала опасаться, что в итоге не сможет ни с кем поговорить, потому что не могла выдать из себя ни одного звука.

Не больше двадцати минут понадобилось Аньке, чтобы дойти до окраины леса, откуда уже было видно их село. Ей оставалось перейти поле, чтобы оказаться возле Шуркиной хаты. Шурка была её подругой с самого их приезда. Первый год Анька жила практически рядом с ней, вот они и сдружились. Вместе гулять вечерами ходили, вместе в поле на покосе были. Шурка Аньку очень поддерживала, и когда родители умерли, и когда ребенок не случился. Всегда она оказывалась рядом, то развеселит, а то и вместе с Анькой поплачет. А когда Анька к Игнату в лес перебралась, часто навещала, нянчилась с маленьким Алёшкой.

Анька огляделась по сторонам и никого не увидев, подняла подол юбки и быстро побежала через поле к Шуркиной избе. Меньше чем в версту шириной, Аньке это поле показалось бесконечным. Добежав до первого забора, она остановилась и присела за кустом сирени отдышаться. Через пару минут дыхание восстановилось, и она стала различать звуки деревни, а не только бешенный стук своего сердца и громкое прерывистое дыхание.

Где-то мужики на завалинке вполголоса обсуждали свои дела, мычали коровы, чей-то петух неугомонно оповещал о своем присутствии всю округу. В чьём-то доме голосили маленькие дети и какая-то женщина громко кричала на своего пьяницу мужа.

Полностью придя в себя, Анька поправила свой «наряд», согнулась как старушка и пройдя между заборами пошла к

Шуркиному дому. Выйдя на улицу Анька, почувствовала на себе удивленные взгляды, и как будто всё вокруг затихло, даже петух и тот, как будто удивился и безмолвно вопрошал, что это за рвань тут к ним пожаловала.

Анька, не останавливаясь шла медленным «старушечьим» шагом к своей цели. Один раз она уже приходила в таком виде в село, но ей тогда никто не встретился по пути, а сейчас, как назло, будто вся округа на одной улице собралась. Низко наклонив голову, Анька уже почти дошла до Шуркиного дома как услышала знакомый скрип ворот.

— О, Матрёна, ну наконец то ты пришла родимая! — Уперев руки в бока, на всю округу запричитала вовремя появившаяся Шурка. — Я уж думала не дождусь тебя старая перечница! Давай иди быстрее, пошевеливайся! А вы, что рты поразинули? Старух никогда не видели? Эка невидали! Тётка это моя из соседнего села в гости пожаловала.

Взяв Аньку под руку, Шурка быстро завела её во двор и с треском закрыла воротину.

— Ну Анька, ты даёшь? Я чуть было не ушла. Пару бы минут и разминулись! Чтоб ты тогда делала, дурёха? — Зашипела Шурка.

— Не знаю, чтоб я делала. В кустах бы спряталась и тебя бы дождалась. Дело срочное Шур. — Умоляюще посмотрела на подругу Анька.

— Да знаю я твое дело. Дай погляжу на тебя! Ох и красавица, — расхохоталась Шурка. — Вот талант у тебя Анька!

Надо было в город тебе ехать! Глядишь, актриса из тебя бы вышла. — Шурка сложила руки на груди и мечтательно закатила глаза.

— Ага вышла бы, а то, как же. Мне, Шур, не до шуток сейчас, пошли в дом. — Отмахнулась от Шуркиных шуток Анька.

— Да, пошли скорей, а то ты там на улице конечно много шороху навела. Теперь на неделю дала всем тему для разговоров. Вдруг откуда не возьмись появилась эта мисс. — Снова расхохоталась Шурка.

— Рада была помочь скрасить ваши серые будни. — Подыграла ей Анька. — Шур, ну скажи уже ты, знаешь что-то про мужиков в лесу? У меня Игнат там и Иван Кузьмич. — Не вытерпела Анька.

— Знаю. Нашёл Степан их стоянку. Но никого пока не поймали. Мне тут соседский пацан всё докладывает. Он у наших бегает на побегушках, ну и связным, если что-то передать надо, еду там или лекарства. Я как раз к нему шла, мы за коровником дальним должны встретиться через четверть часа.

— Ну, так ты иди скорей! — Стала выталкивать подругу за порог Анька. — Я буду тут ждать.

— Хорошо, иду я уже. Только ты свои тряпки поснимай. А то упаришься совсем или испугаешь кого до смерти. — Напоследок дала указания Шурка.

— Ладно, сниму. Иди скорей, а потом сразу возвращайся

домой!

— Есть сразу возвращаться домой, мой командир! — Шурка изобразила воинское приветствие стукнула каблуками ботинок и, показав Аньке язык, выбежала из дома.

Анька только улыбнулась, её подруга умела поднять настроение. Шурка была невысокой с очень красивыми, плавными формами девушкой. В её серых глазах всегда были искры смеха, даже когда Шурка ругалась, её глаза всегда выдавали внутреннюю доброту, а белые кудри до плеч придавали её лицу вид ангела, особенно, когда щёки заливались девичьим румянцем.

После минутного разговора с Шуркой от бывшего Анькиного напряжения и страха след простыл. Она скинула свою накидку и взяв кухонное полотенце вытерла лицо, с которого уже ручьями лился пот. Вся маскировка, конечно, стёрлась, но ничего, у Шурки небось зола найдется на обратную дорогу. Анька решила немного передохнуть, села за печку на топчане и не заметила, как задремала.

Выйдя со двора, Шурка увидела привычную для неё картину. Соседские бабы что-то яростно шептали другу в уши.

— Привет соседки! — Что есть мочи крикнула Шурка, от чего бедные женщины даже подпрыгнули от неожиданности. — За чью судьбу переживаете?

— Тьфу ты, Шурка, перепугала до смерти! Тебе лишь бы зубы скалить! Может за твою жизнь мы переживаем? Боимся вот, что одна в девках помрёшь, счастьем женскому не бывать

у тебя, с твоим характером несносным! — Съязвила самая вредная из всех теток на свете, Шуркина соседка Наталья.

— Ох ты ж батюшки мои! Нашла об чём горевать, Наташка! Это с каких это пор человеку для счастья мужик в доме нужен? Али лучше, что ль как ты, битой через день ходить!? Тоже мне счастливица! Семейным счастьем обжилась ты я смотрю не очень! Я уж лучше не сватанной помру, — расхоталась Шурка и гордой походкой пошла к месту встречи с ранее упомянутым соседским пацаном — Ванькой Старостиным.

— Уж и слов не подберешь, до чего противная девка! Нет, чтобы как все жить! Так нет, выделяется, ходит, про счастье тут всем байки травит. Тьфу, одним словом, гадюка, — со злостью и обидой сказала Наталья, после чего быстро ретировалась домой.

Оставшиеся на улице её подруги, ясное дело стали сразу «переживать» за жизнь Натальи.

Шурка к назначенному времени добежала до места встречи. Ожидавший её Ванька, ходил из стороны в сторону держа руки за спиной.

— Ну, ты капуша, Шурка! Уже минут пятнадцать тебя дожидаюсь, — возмутился Ванька.

— Сам ты капуша! Тебя никто не просил раньше положенного приходить. Ещё раскроешь нас. — Возразила Шурка и грозно помахала пальцем перед самым Ванькиным носом.

— Ладно, не шуми! — Строго сказал Ванька и попытался поймать надоедливый Шуркин палец. — Ишь ты крикливая какая!

— Я не крикливая! Будет ещё каждая сопля меня воспитывать! Давай по делу лучше говори. — С напускной строгостью и радостью, что её палец остался при ней, выпалила Шурка.

— Ох, и деловая ты, Шурка. С тобой только про дело и можно говорить, а за жизнь ты так себе собеседник. — Ванька ловко увернулся от Шуркиного подзатыльника и отбежав на безопасное расстояние начал рассказывать последние новости.

— Наших к болоту отогнали, теперь там пережидать будут. Степан хотел было за ними ломануться, но струсил в последний момент. Побоялись, что в трясину затянет. Хотят наших мужиков измором взять, дураки, не знают они нашего человека. Решили посты расставить и вылавливать по одному. Но мне Яков Ильич сказал, что они к ночи на той стороне болота будут и отсидаются на дальней заимке. А Степану тоже небось скоро надоест, слышал, что он скоро сменится и в село собирается наведаться.

— Ну хорошо, что никого не достали. Там раненных нету?

— Нет, никого не ранили. Они их даже не видели. У наших всегда дозорные стояли, так они Степана за версту увидели и все ретировались. Так что Степка, только на потухший огонек примчался. Крику там конечно было, мама не

горюй. Разозлился он крепко.

— Понятно, ну пусть позлится, не всё же ему в комедию играть.

— Ну вот такие дела Шур. Больше вроде никаких новостей и нет. Как стемнеет, я в обход пойду к нашим, завтра тогда в это же время приду обратно, буду тут же тебя ждать.

— Договорились. Смотри там не геройствуй! Береги себя.

От этих слов Ванька залился краской и с тоской в глазах стал смотреть вслед уходящей Шурке. По всему Ванькиному виду было видно, что он в неё давно и по уши влюблён. Жалко, что с возрастом не попал, Шурка его из-за этого даже человеком не считает.

— Шур, а может мы как-нибудь погулять пойдем? А? — Крикнул вдогонку Шурке Ванька, в очередной раз решив испытать удачу.

— Чево? — Как будто удивившись обернулась Шурка.

— Ни чево, а погулять. Что такого-то? — Улыбаясь спросил Ванька.

— Не перегрелся ли ты, Ванька, часом? Ты давай завязывай со своими прогулками и сопли подбери, а то по всей улице болтаются. — Хитро подмигнув, Шурка лихо развернулась на каблуках и покачивая бедрами пошла в сторону дома.

Ванька только вздохнул. Ну, попытка не пытка. Подумаешь, два года разница, а ведёт себя, как будто, в бабки ему годится. Ванька и связным заделался только потому, что Шур-

ке всё передавать надо было. Когда он ещё так часто с ней видеться сможет? От обиды Ванька пнул лежащий на земле камушек и, насвистывая какую-то душещипательную мелодию, пошёл в сторону своего дома. Надо было ещё успеть поесть и поспать до вечера, следующая ночь обещала быть бессонной.

Красавцем Ваньку назвать было нельзя, но до жути обаятельным запросто. Густые русые волосы и крепкие руки придавали ему ещё больше мужского очарования. Аньке он, конечно, тоже нравился, ну не так сильно, чтобы это демонстрировать считала она. Вот и мучались оба.

Анька проснулась из-за шума на улице. Прислушавшись, она слышала какие-то громкие мужские голоса прямо возле Шуркиных ворот и сердце ухнуло куда-то к животу.

В ворота начали стучать.

— Хозяйка, а ну открывай ворота, дело есть. — На всю округу раздался грубый мужской голос.

И опять стучат по воротам, а кричат, как на базаре.

— Хозяйка, открывай ворота кому говорят? — Надрывался один из мужчин.

Анька решила переждать, подумала уйдут скоро, если поймут, что никого дома нет. Она прокралась к самому дальнему окну и выглянула на улицу. Возле ворот стояло три верховых и рядом стояла лошадь с телегой, в которой лежал мужчина.

Один из верховых конечно же, был Стёпка. Высокий с уса-

ми, глаза тёмно-карие и смотрят из-под густых бровей так, словно сквозь стены видят. На правом виске Степки был широкий шрам, из-за чего лицо его было как будто перекошено от злости. Даже находясь в доме, Анька задрожала от страха.

— Эй, мать, ты не знаешь, где твоя соседка? Нам её помощь нужна. Она же, говорят, в вашей деревне медичка? — Громко спросил Стёпка у Шуркиной соседки Натальи.

— Вот, чёрт, — вырвалось у Аньки от отчаяния и страха, что соседка её выдаст. Она закрыла рот руками и от злости даже прикусила себе губу.

— Ага, и правда, она у нас медичка. Больше никого и нет со знаниями такими. Она в районном центре целый год отучилась бездельница, а теперь ходит всех бинтует. Тоже мне работа. Тюфу, тунейдка она, одним словом, а строит уж из себя чёрт знает что! — Воспользовавшись случаем выразила своё отношение к Шурке соседка Наталья.

— Ну, так и куда она пошла? — Не обращая внимание на недовольство женщины спросил Степан.

— А я почём знаю? Я за ней не слежу и отчета у ней не спрашиваю. Так у неё щас вроде родственница какая-то гостит, небось обождать вас пустит. Вы посильней стучите, она поди спит с дороги. Вроде, как с соседней деревни пришла.

— Вот старая дура, — снова не сдержалась Анька.

— Ну ясно, спасибо за помощь мать. Давай стучи ещё, — скомандовал Степан стоявшему рядом с воротами парню.

Анька поняла, что придется им открыть и маскарад ей не

поможет, вблизи быстро поймут, что она ряженная. Анька глубоко вздохнула, чтобы унять дрожь в руках скинула лохмотья, кое как оттерла лицо и пошла к воротам.

— Что это за шум тут подняли? — С напускной строгостью закричала с крыльца Анька.

— Хозяюшка открой нам, мы к медсестре приехали, у нас тут раненный. Не оставлять же его на улице? Мы его в дом занесём, а вечером за ним приедем.

Такой расклад Аньке подходил, главное, чтобы они тут на долго не задерживались.

— Хорошо, щас открою, не шумите.

Анька быстро подошла к воротам и настежь их открыла.

— Заносите в сенцы, там топчан стоит туда его кладите.

— Ну, спасибо красавица, должником твоим теперь буду, — криво усмехнулся Степан, не сводя с Аньки глаз.

— Не надо мне ничего. Я не медсестра и помочь ему всё равно не смогу.

— Ну, вдруг что случится, так ты кликни Степана, меня тут вся округа знает, я помогу чем смогу, договорились? — Смотря на Аньку в упор ответил Степан.

— Хорошо, — унимая дрожь и подступавшее волнение, выдавила из себя Анька.

Подручные Степана быстро занесли своего раненого товарища в сенцы и вышли на улицу. Степан стоял на месте и не сводил с Аньки глаз. Анька на него старалась не смотреть, хотя его взгляд чувствовала всей кожей.

— Что-то ещё нужно? — Не поднимая глаз, тихо спросила Анька.

— Да, я вот хотел спросить, ты одна пришла, или с мужем?

— У меня нет мужа, и семьи нет тоже, — не подумав выпалила Анька и прикусила язык.

— Как же ты одна в таком беспокойном мире живёшь, красавица? — Заулыбался Степан.

— Хорошо живу, не жалуюсь.

— Я вот скоро в город собираюсь, может поедешь со мной? Не может же такая красота в этом болоте прозябать?

— Мне как-то в этом болоте привычней и спокойней будет. Я, наверное, откажусь, но за предложение спасибо. — Практически теряя самообладание ответила Анька.

— Да ты не бойся, я не обижу. Я можно даже сказать с серьёзными намерениями. Ты не думай, я ведь ни какой-нибудь прохиндей. Я, ведь, и посвататься могу. Тебя я не обижу, как королева жить будешь. А?

— Да я тебя в первый раз вижу! Да и нет у меня таких планов. Я лучше в дом пойду, так что всего хорошего. — Стала медленно пятиться к крыльцу Анька.

— Ладно, ты только не сердчай на меня красавица, — крикнул в спину Аньке Степан. — Но я тебе серьёзное предложение сделал, ты это имей в виду. Я тебя увидел и пропал, так что без боя не сдамся, — засмеялся Степан и быстрым шагом вышел со двора.

Анька, быстро вернувшись к воротам на негнущихся но-

гах закрыла из на засов и пулей залетела в дом. Забыв, что в сенцах лежит раненный подручный Степана, она вскрикнула от неожиданности, чем привела его в чувство и он открыл глаза. У мужчины была открытая рана на правом боку, скорее всего ножевое ранение.

— Ты что орешь свербигузка чёртова? — Недовольно прикрикнул он на Аньку.

— Простите, я с испугу. Щас медсестра придет она вас подлечит. — Дрожащим голосом и чуть не плача ответила Анька.

— Воды хоть дай клуша ты окаянная! Что застыла то, как вкопанная? — Продолжал прикрикивать раненный.

Анька принесла из дома воды и дала ему напиться, потом она прикрепила потуже повязку к ране и, не задерживаясь, снова скрылась в доме. Буквально через несколько минут пришла Шурка, которой по дороге уже донесли, что к ней доставили раненного.

— Анька, — крикнула Шурка не успев войти в дом.- Давай воду на огонь ставь скорей.

Анька без лишних разговоров выполняла все указания подруги. Вместе они меньше, чем за час обработали и зашили рану. Шурка дала мужчине какого-то порошка, после чего он почти сразу заснул.

— Завтра будет как новенький бегать, — сказала Шурка, убирая все свои медицинские инструменты в фельдшерскую сумку.

Зайдя в дом, Шурка почти сразу рассказала Аньке о разговоре с Ванькой, видела, что она сама не своя.

— Ох, слава Богу, Шур. Я уже не знала, что и подумать. Еле стерпела, чтобы сразу у тебя не выпытывать начать.

— Да, я уж и так поняла. Он давно тут лежит? — Кивнула Шурка в сторону раненного мужчины.

— Нет, и четверти часа не прошло, как ты вернулась. Его Степан привез.

— Ох, батюшки мои! И он тебя видел получается?

— Да, видел. И даже свататься собирается.

— Как это свататься? Ты что же не сказала, что замужняя?

— Да я с испугу сказала, что не замужем. Побоялась за Игната. Что делать-то теперь? Он сказал, что не отстанет.

— Да он и правда не отстанет. В прошлый раз, когда приезжал сюда, к Машке Тереховой сватался, так та в город сбежала, лишь бы не нашёл её. Так что, мать, не знаю даже, как быть теперь.

— О, господи, что же я наделала? Хорошо, что соседки меня не узнали. Щас потемнеет и я домой вернусь, больше из дома ни ногой. До нас-то они вряд ли дойдут, авось, пронесёт и он отстанет. А ты скажи, что я тоже в город уехала, а куда — ты не знаешь.

— Да уж, чувствую от меня он теперь не отстанет. — Грустно пробормотала Шурка. — Ну ты, Ань, натворила делов. Все ж знают про Степана, что он ни одной юбки не пропустит. А тем более такую, как ты! Ну ладно, не кисни, про-

рвемся. — Видя, что Анька чуть не плачем сменила гнев на милость Шурка. — Не дрейфь, подруга. Давай лучше домой собирайся, уже потемнеет скоро.

Анька крепко обняла Шурку, накинула свою одежду, повязала платок и сажёй приукрасила лицо. Как только стали опускаться сумерки, она незаметно вынырнула из Шуркиного дома и не спеша пошла вдоль заборов, направляясь той же дорогой в сторону дома.

Обратная дорога заняла у Аньки больше времени. Пришлось несколько раз пережидать в кустах встречных прохожих. Она видела, как Степан ехал к Шуркиному дому и мысленно помолилась, чтобы с её подругой всё было хорошо. Домой Анька пришла, когда на небе была уже луна.

— Ох, дочка, ну наконец то, — запричитала Прасковья Романовна. — Я уже и места себе не нахожу. Алёшку еле спать уложила, замучил меня вопросами. Получилось узнать что-то?

Анька рассказала всё, что она узнала от Шурки. Рассказала и про встречу со Степаном и о том, как она напортичила.

— Ничего Ань, не волнуйся. Ну, сказала и сказала. Ты и не обязана никому докладывать, замужняя ты или нет. Они к нам вряд ли доберутся. У них небось и других забот хватает. А если и наведаются, так мы тебя схороним. Лес то немаленький и уж мы-то его получше других знаем. Не переживай, ты же не одна одинёшенька, у тебя семья есть, мы тебя в обиду не дадим.

— Да, я не за себя боюсь, мам, я за Игната боюсь и за вас всех! Вдруг Степан, какую пакость удумает, даже подумать страшно.

— Ничего, думаю он пару дней поищет тебя, а потом успокоится. Всё будет хорошо, милая моя. — Прасковья Романовна поцеловала Аньку в лоб и стала накрывать на стол почти остывший ужин.

На следующее утро женщины занялись своими привычными делами. Прасковья Романовна уговорила Аньку взять Алёшку с собой за водой и на огород и когда наконец-то Анька согласилась Алёшкиной радости не было предела. Он вместе с Сашкой, следовавшим везде за ним, ходили за Анькой по пятам. Алёшка помог натаскать воды, прорвать сорняки на огороде, набрать свеклы, отсыпать муки для хлеба. В общем к вечеру он наконец то был, как говорится, «без ног» и заснул, как только стало смеркаться.

Анька с Прасковьей Романовной снова ждали мужчин до глубокой ночи, но они так и не пришли.

Таким же образом, прошло ещё два дня. На Аньке уже не было лица, но в деревню она пойти больше не решалась, тем более с Шуркой они договорились, что та сама придет или кого из мальчишек отправит, если что-то узнает. Если никто не приходит, значит они живы и здоровы. Это успокаивало и Аньку, и Прасковью Романовну.

— Мам, если к концу недели они не придут, я сама пойду на эти болота. Сил больше нет ждать их.

— Успокойся, Ань, будем ждать столько, сколько будет нужно. Ты этих болот не знаешь, выдашь всех, когда тебя из трясины вытаскивать кинутся, понимаешь? У нас с тобой пока нет выбора, будем ждать, а ты лучше спать пораньше укладывайся, завтра спозаранку с Алёшкой собирались в лес пойти. — Как могла пыталась успокоить Прасковья Романовна Аньку.

— Ладно, пойду и правда лягу, а то измоталась я совсем.

— Ну, вот и правильно.

Анька быстро уснула, сказывались тяжелая работа и нервное потрясение последних дней.

Прасковья Романовна ещё долго сидела у окна и вышивала узоры на Алёшкиных рубашках и спать легла уже глубокой ночью.

Анька резко села на кровати. Весь лоб был мокрым, дыхание прерывистым. На улице ночь и тишина. Только сова ухает в лесу. Сашка заснул в углу, испугался чего-то. Анька замерла. Какой-то внутренний страх охватил её. Она спустила голые ноги на холодный деревянный пол и босиком пошла к окну. Во дворе никого не было. Ночь был ясная, на небе был нарастающий месяц, который освещал всё вокруг. Анька постояла возле окна с минуту и пошла на цыпочках к печке. На печке тихонько сопел Алёшка с Прасковьей Романовной. Анька подошла к дальнему углу и просунула за печку руку, туда, где Иван Кузьмич ещё давно соорудил тайник для ружья, чтобы дети ненароком не достали. Когда она

нащупала стальное дуло ей стало немного спокойней. Анька хорошо стреляла, отец ещё в детстве научил.

Сашка поднял морду и опять тихонько заскулил. Он не лаял, Анька отучила и знала, что если он скулит, то рядом кто-то чужой. Она опять подошла к окну, но на улице было пусто. Шикнув на Сашку, она прокралась в сенцы и полезла на чердак. На чердаке было окошко с маленькими ставнями. Анька пробралась в темноте к оконцу, которое смотрело в сторону села, тихонько его отворила и стала всматриваться в темноту.

Ничего не видно, один чёрный лес почти беззвучно качался от тёплого ветра. Слышно тоже ничего не было, только цикады стрекотали и, где-то далеко птицы говорили свои разговоры. Анька осталась смотреть, всё равно теперь не уснет. Ужас, охвативший её, стал немного отпускать, она уже могла свободно дышать и перед глазами ничего не расплывалось. Холодный пот сошёл, и кожа стала снова нагреваться. Анька ещё немного посидела и с облегчением вздохнув, решила всё-таки спуститься вниз.

Тихонько прокравшись обратно, она спустилась вниз. И чуть не расшиблась на последней ступеньке лестницы. Возле входной двери стоял и беззвучно скалил зубы Сашка. Вся его шерсть на холке стояла дыбом. Глаза потемнели и стали чёрными. Казалось, что он в два раза увеличился в размерах, а лапы будто выросли в пол.

Анька поняла, что возле дома кто-то есть: чужой и опас-

ный. Она стала пятиться через сенцы в дом. В голове была только одна мысль добраться до ружья и предупредить Прасковью Романовну. Прасковья Романовна знала, что делать в такой ситуации, бежать и спасти Алёшку. А Анька с Сашкой уж как-нибудь сдюжат.

Почти не дыша, Анька добралась до входной двери и стала тянуть дверь на себя. Все петли были смазаны, Игнат не пожалел масла, истратил почти целый бочонок на все двери и засовы. Заменял все ходящие под ногами доски, чтобы ничего не скрипнуло и не выдало жильцов в доме.

Открыв дверь, Анька чуть слышно позвала Сашку. А Сашке два раза повторять не надо, опустив голову вниз, он следом за Анькой зашёл в дом. Одним словом, человек в волчьей шкуре. Анька закрыла дверь и снова стала прокрадываться к печке. Взявшись за подножку, она потянула за руку Прасковью Романовну.

На улице что-то треснуло. Кто-то крался вдоль дома и через окна была видна чёрная тень. Анька, вцепившись в руку Прасковьи Романовны перестала дышать. Стало понятно, что убежать они не смогут.

Проснувшись и увидев Аньку, Прасковья Романовна сразу всё поняла. Показав глазами в сторону тайника с ружьем, сама она стала сползать с печки и тянуть за собой одеяло, на котором спал Алёшка. Анька на цыпочках зашла за печку и достав ружье, зарядила его и очень медленно взвела затвор. Дождавшись пока Прасковья Романовна сняла с печ-

ки Алёшку, который продолжал сладко спать, они вышли в сенцы.

Прислушавшись к звукам на улице, женщины затаились возле лестницы. Вокруг снова стояла тишина. Прасковья Романовна, не теряя ни минуты быстро передала Аньке Алёшку и взяв у неё ружье, довольно проворно для своего возраста стала взбираться по лестнице на чердак. Женщины двигались так бесшумно как только могли, и такой же бесшумный Сашка всё это время тихо стоял рядом не сводя глаз от входной двери.

Боковым зрением Анька увидела в дальнем окне дома чьё-то лицо. Мужчина с растрепанными волосами прижался к окну и всматривался в темноту дома. Почти всё окно запотело от того, что мужчина прижался к стеклу почти вплотную и тяжело на него дышал своим открытым чернозубым ртом. От ужаса Анька застыла как вкопанная и только прижатый к её груди Алёшка помог сдержать крик, рвавшийся из неё наружу. С отчаянием посмотрев наверх и увидев тянущие за Алёшкой руки Прасковьи Романовны, Анька немного пришла в себя и поднявшись на две ступеньки подкинула в верх своего сына. Прасковье Романовне этого хватило, чтобы схватить Алёшку и почти бесшумно затащить его на чердак. Оставалось повернуть такой же трюк с Сашкой.

Анька спустилась и взяв на руки Сашку, все также бдительно охранявшего вход стала взбираться по лестнице, почти как акробат исполняющий трюк «ходьба по канату». В

висках у Аньки стучало, казалось, что этот стук слышно за несколько километров от дома. В глазах рябило. Ступенька вдох, ещё одна выдох. Послышался грубый мужской бас. Анька замерла и стоя на приставной лестнице, с огромной собакой на руках, почти не дышала.

Не званный гость был не один, кажется их двое, а может быть даже больше, и они уже подходили к входной двери, которая была в двух метрах от Аньки. Анька подняла глаза вверх и с ужасом посмотрела на Прасковью Романовну, которая, приложив палец к губам, показывая тем самым не издавать не звука и рукой поманила её вверх. Анька продолжила тихо взбираться, ещё две ступеньки, и она будет там, в относительной безопасности. Только сейчас она поняла, что, если эти люди проникнут внутрь, они с Прасковьей Романовной смогут сбежать в лес через наружную лестницу в дальней части чердака. Анька сделала ещё один шаг и закинула Сашку вверх, который запрыгнув с ловкостью пантеры сразу лег на краю продолжая следить за входом, возле которого происходила какая-то возня. Также бесшумно у Аньки могло и не получиться.

В тот момент, когда она сделала очередной шаг вверх входная дверь с треском упала в сенцах. На секунду Анька застыла, а очнувшись подтянулась вверх и толкнув Прасковью Романовну вглубь чердака, схватила ружье, лежавшее на краю, и направила его в сторону двери, когда в её проеме появился мужчина.

Всё пространство вокруг сразу наполнилось тухлым запахом гнили и кислой бражки. Мужчина был невысокого роста, чуть выше Аньки и худощавого сложения. У него были черные как смола волосы, торчавшие в разные стороны. Даже сквозь ночные сумерки было видно, что вся одежда на нем была грязная и рваная. В руках у мужчины был топор. Зайдя внутрь, он остановился в центре комнаты и стал прислушиваться к звукам в доме. Застыв неподвижно на лестнице почти под потолком Анька, старалась не дышать. Мужчина продолжал озираться и вслушиваться, недовольно щурясь от темноты. Было ясно, что надо действовать быстро пока он окончательно не привык к темноте. Но Аньке нужно было точно знать, сколько их всего и где они находятся. Мужчина как будто замер и почти не дышал, только зловонный запах источал кругом. Справа от Аньки в окне показался второй:

— Иди, внутрь! Чё ты встал баран?! — Прошипел он своему напарнику.

— Я жду, заткнись... лучше осмотришь на улице, чем меня подгонять, — прохрипел стоящий в доме мужчина в ответ.

Оба снова на мгновенье замерли. Второй мужчина так и не показывался в поле Анькиного зрения, но теперь она точно поняла, что их только двое. От этого стало легче, теперь она знала, что одного сможет убить, а пока со вторым будет воевать, Прасковья Романовна сможет убежать с Алёшкой в лес.

Стоявший в доме мужчина отмер и сделал шаг вперед. Ви-

димом глаза привыкли к темноте дома, и он стал внимательно озираться вокруг. До двери, ведущей в дом, ему оставалось ещё шага три, не больше. Посмотрев в Анькину сторону, мужчина отвернулся, а потом медленно вернул свой взгляд назад и уставился на неё как баран на новые ворота, и поняв, что перед ним женщина, хоть и с ружьем он ухмылялся диким, звериным оскалом. Анька подняла ружье выше, показывая, что выстрелит в любой момент. Мужчина, продолжая ухмыляться, поднял вверх левую руку, показывая, что безоружен. Анька кивнула на его правую руку. Не выпуская топор из руки, он также вытянул её в сторону. Второй мужчина как будто провалился. Его не было ни видно, ни слышно.

— Брось..., — еле слышно сказала Анька сквозь сжатые зубы, вздрогнув от собственного голоса.

Мужчина еле заметно оскалился и вскинул топором в сторону Анькиной головы... раздался выстрел и рядом с Анькиным ухом, что-то взорвалось, а потом что-то горячее полилось на плечо. Мужик, прижимая руки к животу, свалился на пол и взвыл. В этот момент из-за угла дома выскочил второй мужчина, с пепельно-седыми короткими волосами. Телосложением он был не больше первого, но было сразу видно, что он тут старший. Седой стал стрелять из проема двери в сторону, где как он думал, находилась Анька. Четыре выстрела и все в стену.

Анька, прижав к себе ружье, вжалась в лестницу и сидела

ни живая, ни мертвая. У неё был ещё один патрон, но нужно дождаться подходящего момента.

С улицы слышалась тихая брань Седого. Раненый катался по полу и орал как недорезанный хряк и пол под ним постепенно покрывался багровой лужей. На какое-то время Седой затих под окном. Анька не шевелилась и сидела под потолком как приведение в белой ночной рубаше с кожей почти такого же цвета, только левое плечо и рукав плотно покрывались алой кровью, продолжавшей литься из рассеченного уха. Видел бы её сейчас Игнат, восхищению не было бы предела.

Седой заглянул в сенцы вытянув вперед руку и целясь в нижний левый угол, где как он думал должен быть стрелок. Раненный, увидев своего друга завыл ещё громче призывая не бросать его тут. Седой что-то прошипел ему и раненный стал медленно ползти к выходу, оставляя за собой широкий кровавый след. Добравшись до двери, раненный остановился, начав громко кашлять и сипеть, видимо не в сила продолжать двигаться. Седой схватил его за руки вытащил во двор и стал негромко что-то говорить.

Потом всё снова затихло и с минуту стояла тишина. Анька, не чувствуя боли, а только бешено колотившееся сердце пыталась расслышать, что происходило на улице, надеясь, что незваные гости ушли. Но напрасно. В дом запрыгнул Седой и не теряя и секунды сразу ломанулся в сторону Аньки. Еще один выстрел и он застыл прямо перед лестницей. Ань-

ка вздохнула с облегчением. Тепло радости растеклось по её животу. Убила обоих. Слава Богу, Алёшку и мамку никто не тронет. Но присмотревшись она увидела, что лицо Седого стало расплываться в кривой улыбке, полной гнева и злости.

— Промазала милая, — прохрипел довольным басом Седой. — Ты я гляжу бабенка резвая. Не зря Степка с ног сбился, разыскивая тебя. Видишь в какую глушь нас снарядил. Все ради любви. — Поднял вверх палец сказал Седой и громко рассмеялся своей шутке. — Это же ты у деревенской медички была? Я тебя узнал.

И без того бледная Анька, казалось, потеряла всякую способность дышать, а только с выпученными от ужаса глазами продолжала пялится на ухмылявшегося Седого.

— Что тебе надо? — С огромным трудом прохрипела Анька, собравшись с силами.

— Да, ты резвая, но не сильно сообразительная я смотрю. — Щелкнул языком Седой и покачав от разочарования головой медленно продолжал подбираться к лестнице.

— Стой, где стоишь! — Прошипела Анька, увидев его маневр.

— А то что?

— А то глотку перегрызу. Вот что. — уже окончательно придя в себе железным голосом процедила Анька сквозь сжатые зубы.

— Ну вот приехала! — Всплеснул руками Седой. — Я к ней свататься пришел за Степана, лучшую жизнь, так ска-

зять, предложить, а она глотку грызть собралася. Ты тут мать совсем одичала я смотрю.

— Какой ещё Степан? Я знать никакого Степана не знаю. Иди откуда пришел и не возвращайся. Скоро мой муж придет и тогда не жилец ты больше. Ясно?

— Ты мне дуру то из себя не строй! Я тебе сразу сказал, что узнал я тебя, так что твои фокусы не выйдут, не морочь мне голову каким-то мужем. Давай слазь лучше по-хорошему, и я отведу тебя в деревню. Думаю, если хорошо попросишь Степна, он тебя за своего подстреленного человека простит. Тем более не такой уж и важный этот человек, раз с бабой справиться не смог. — Снова заржал Седой ещё больше радуясь своей шутке.

— Я никуда с тобой не пойду, лучше время не трать. Сказала же, что ты меня спутал с кем-то. — Снова сказала Анька.

— Ну зря ты так. Жалко тебя, конечно, но выбора ты мне не оставила, так, что считай хана тебе зараза.

Седой резко вскинул руку и ухватив за край Анькиной рубахи, со всей силой рванул её вниз, от чего она кубарем слетела с лестницы отбив при падении себе всё, что можно. От удара головой в глазах потемнело, в ушах загудело и тело наполнилось тяжестью. И тут Аньку пронзила острая боль в животе, потом в спине, на бедрах, в голове. Седой бил её ногами, обутыми в тяжелые сапоги. Анькино дыхание почти остановилось, а от боли и удушья она стала проваливаться в

забытьё. Ещё удар, ещё один и уже почти не больно, только время остановилось, а тело как будто окаменело.

В какой-то момент ей показалось, что что-то мягкое прошелестело по её лицу. Очень мягкое и нежное, и очень похожее на Сашку. Он также пахнет. Но этого не может быть, ей, наверное, кажется, ведь Сашка был на чердаке с мамкой, в безопасности. Анька думала только об одном лишь бы они не подавали звуков. Вдруг удары прекратились, наверное, Седой устал.

Анька ничего не слышала в ушах гудело. Горячая и соленая кровь наполнила ей рот. У неё теперь были только одни мысли, если они ушли, то нужно успеть убрать кровь, чтобы не напугать Алёшку. Анька попыталась открыть глаза. Один глаз не открывался вообще, а сквозь второй можно было увидеть только белую пелену, словно туман застилал всё вокруг. Через несколько секунд Анька сделала ещё одну попытку и вокруг стало немного проясняться. Сквозь гул в ушах стали доноситься звуки, как будто из подвала кто-то приглушенно кричал и матерился.

Анька сделала ещё усилие над собой и попыталась подняться. Через пелену тумана, всё ещё застилавшего её глаза, она увидела какое-то движение на полу, словно туго смотанный клубок из тряпок, шерсти, человеческих рук и ног катался из стороны в сторону.

Постепенно к Аньке стал возвращаться слух, и она ещё чётче услышала крики, рычание и чей-то визг. Собаки? Это

был Сашка, который каким-то чудом оказался внизу и сейчас вцепившись в лицо Седому, просто рвал его с животным остервенением. Седой пытался скинуть Сашку и оторвать его от себя даже ценой потери частей тела, но Сашка не поддавался. Таким его Анька никогда не видела. Он был похож на дикого волка, защищавшего свое потомство. Лицо Седого было всё в крови. На руках болтались оторванные куски кожи, вся одежда превратилась в клочья. Аньке с трудом удалось перевернуться на бок и сесть, прислонившись к стене. Она посмотрела вверх, но мамки не было видно. Анька решила найти что-то тяжелое, чтобы огреть этим Седого и встав на колени она поползла к стене, где Иван Кузьмич хранил свои инструменты.

И тут раздался визг. Жуткий, душераздирающий визг раненого животного, пробирающийся под жилы. Анькино сердце остановилось. Она медленно села и повернулась в сторону, где происходила драка. С ужасом она думала какую картину перед собой увидит. Сашка валялся в углу как половая тряпка и не дышал. Седой лежал посередине комнаты, тяжело хрипел и всхлипывал.

Анька боялась пошевелиться. Спустя несколько секунд Седой зашевелился, и куча тряпок громко кашляя и харкая кровью, стала медленно подниматься. Уже стоя на ногах Седой медленно обведя взглядом комнату уткнулся глазами в Аньку и сделал в её сторону неровный шаг. Встав на четвереньки, Анька стала пятиться к стене. В глазах у неё до сих

пор всё плыло и двоилось. Ещё одну драку она не переживет. В голове лихорадочно бегали мысли о спасении. Анька была готова вцепиться и убить Седого голыми руками. А если надо она как Сашка готова была вцепиться зубами ему прямо в глотку.

Вся Анькина рубаха была в крови и в грязи от сапог Седого. Рассеченное топором ухо ещё сильнее стало кровоточить, и ночная Анькина рубаха уже почти наполовину пропиталась кровью. Волосы растрепались по плечам и склеились от крови. Она чувствовала себя сейчас загнанным на охоте зверем, и готова была драться до последнего вдоха.

Во дворе что-то загремело, раздался приглушенный голос раненного, который звал на помощь. Седой с горечью сплюнул в сторону Аньки и с перекошенным от гнева лицом, а вернее тем, что от него осталось, выскочил во двор. На улице слышались приглушенные голоса и какое-то движение. Анька приподнялась на колени и выглянула в ближайшее к ней окно. Две темные фигуры, сцепившись друг с другом, удалялись в лес. Анька с облегчением села на пол и тупо уставилась на темную кучу, которая должна была быть Сашкой и слезы стали литься ручьем из её заплавленных от побоев глаз. В доме было тихо. Наверху тоже не раздавалось не звука.

III

Анька не знала, сколько прошло времени. Она лежала на полу, прижав колени к животу и не могла оторвать взгляд от Сашки. Его самоотверженность и храбрость поразила Аньку до глубины души. Анька знала многих людей, которые не вступились бы за неё в этой ситуации.

Сашка, такая веселая и послушная собака. Преданный товарищ и друг. Он научил плавать Алёшку в лесном озере, когда тот боялся даже ступить в него. Мог согреть в холодную зиму и избавить от всех печалей и невзгод. Сашка ещё один ребёнок в их семье, который любил их всех своей безусловной собачьей любовью.

Наверху что-то зашевелилось. Анька с трудом подняла глаза и увидела спускающуюся по лестнице Прасковью Романовну. Она осторожно встала на пол и подойдя тихонько к Аньке, приподняла её и крепко прижала к себе.

— Аня, доченька не плачь. Слава Богу ты жива, со всем остальным мы справимся, мы переживем.

Так они посидели несколько минут. Прасковья Романовна посадила Аньку и прислонила её к стене, а потом подошла к Сашке и присев возле него на корточки прижала его к себе. Посидев так несколько минут, Прасковья Романовна повернула его на другой бок, сквозь шерсть на спине открылась кровоточащая рваная рана. Тело было мягким. Вся шерсть,

которая раньше была гладкой и шелковистой от бесконечных расчёсывании и поглаживаний, теперь стала похожа на сваленную грязную шкуру, всклокоченную и пропитанную липкой кровью.

Сашка захрипел.

— Ань он живой! — Воскликнула Прасковья Романовна.
— Слава Богу он живой.

Анька в голос зарыдала. Прасковья Романовна, тоже не сдержав эмоций стала всхлипывать. Оторвала резким движением кусок ткани от своей рубахи и прижала к Сашкиному боку. Потом оторвала ещё один и обмотала Сашку поперек тела. Сашка открыл один глаз.

— Ты Сашка теперь как твоя любимая хозяйка, с одним всевидящим оком. — Прасковья Романовна засмеялась и тут же заплакала. Стала наглаживать Сашку и причитать какой он молодец и как они его все любят и, что он выздоровеет скоро. Анька тоже плакала и смеялась. — Иван Кузьмич, когда придёт, тебя быстро на наги поставит вот увидишь Сашка он и не таких бедолаг с того света вытаскивал.

— Пойдем, дочка, теперь твоя очередь на перевязку идти.

— У тебя мам теперь тут военный госпиталь.

— Ничего милая, мне не привыкать. В войну многих с того света вытащили, авось и вас с Сашкой выходим.

Прасковья Романовна подхватила Аньку под руку за талию и медленно завела в дом. В доме она положила её на кровать и собралась уходить.

— Мам, а где Алёшка? — В растерянности спросила Анька.

— Алёшка спит, представь себе, даже не шелохнулся, пока его мать тут в боях участвовала.

— Хорошо, что он не видел ничего и не слышал. Не будут кошмары мучить ребенка.

— Это да, со сном у него проблем по всей видимости не будет никогда.

— А кто там гремел во дворе? С ними ещё кто-то был?

— Нет, Ань, это я слезла с чердака и пошумела, надеялась испугать, что и получилось. Но боюсь вернуться ироды скоро. Не простят эти черти такого исхода, чтобы их девка с собакой отмузузили.

— Мы их будем ждать мам, будем готовы.

— Да хватит тебе Ань, навоевались уже. В лес уйдем, там спокойней и безопасней.

— Хорошо, так тоже можно. — Не в силах спорить сказала Анька.

Пока они говорили, Прасковья Романовна поставила греться воду и вышла в сени, откуда через минуту вернулась с Сашкой на руках. Сашку мамка положила возле печки на одеяло. Он тяжело дышал и не открывал глаза. Его повязка уже вся пропиталась кровью. Прасковья Романовна опять вышла во двор и вернулась с целой корзиной травы и каких-то банок. Сначала она промыла все Анькины раны и прополоскала волосы. Все открытые раны она смазала ка-

кой-то мазью. На лицо наложила примочек, из каких-то заваренных трав. Дала выпить настойку и через несколько минут Анька провалилась в глубокий сон.

Когда Анька заснула, Прасковья Романовна стала заниматься перевязкой Сашки. Как и Аньке она наложила на открытую Сашкину рану мазь и перевязала.

— Ничего, Сашка, выходим тебя. Ты ещё побегаешь. — Сквозь слезы приговаривала Прасковья Романовна скорее для того, что успокоить себя, потому что Сашка никак не реагировал, а только тяжело дышал.

Посидев еще немного с Сашкой, Прасковья Романовна пошла убирать в сенцах. Скоро будет светать, поэтому нужно успеть всё прибрать к рассвету. Прасковья Романовна волновалась, что Алёшка встанет и увидит следы этого побоища. Но она беспокоилась зря. Алешка сладко спал на чердаке, укутавшись в своё одеяло.

Прасковья Романовна наносила воды, хорошо, что небо чистое без облаков, яркий месяц всё освещает. Растопила печку, нарвала тряпок, все равно все сжечь придется, кровь не отстираешь. В сенцах закрыла все окна одеялами и простынями и зажгла лампадки. Сначала пришлось быстро отмыть дверь, которая лежала посреди комнаты, потом не без труда Прасковья Романовна ее подняла и плотно приставила в проем. Зажгла лампадки поярче и стала отмывать полы и стены.

Через час следов от побоища не осталось, если не счи-

тать следов от пуль в стенах и выломанной двери. На улице уже стало светать Прасковья Романовна разожгла печку на улице за сараем и покидала туда все тряпки вместе со своей и Анькиной ночными рубашками, а также разломанные во время драки табуретки и лавки. Как только всё догорело, Прасковья Романовна поставила на огонь большой чан для варки картошки для свиней и пошла в дом, будить Алёшку, который всё также беззаботно спал в самом углу чердака, где сквозь боковые окошки уже пробивались солнечные лучи.

— Просыпайся Алёшка, пойдем блины печь, вдруг сегодня папка с дедом приедут? — тихонько нашептывала Прасковья Романовна на ухо своему внуку еле сдерживая слезы.

Алёшка открыл сонные глаза и улыбнулся, увидев свою бабулю. Посмотрев ещё с минуту, он понял, что находится не в доме и вопросительно посмотрел на Прасковью Романовну.

— Где это мы бабуля?

— На чердаке. Ты что это не помнишь, как мы с тобой играли в поход? И решили разбить лагерь чтобы заночевать в горах?

— Нет, не помню.

— Ну ты даешь, Алёшка! Я думала ты всем будешь рассказывать про наш поход, а ты всё проспал и ничего не помнишь? — Надула по детски губы Прасковья Романовна, сделав вид, что она расстроилась.

— Ничего бабуль, ты мне всё расскажешь, а я всем перескажу. — Предложил Алёшка, потирая макушку головы.

После этого он беззаботно улыбнулся и пошёл к окну. Открыв окно, Алёшка впустил на чердак солнце и птичьи голоса

— А где мамка? В лес уже пошла?

— Мамуля твоя спит, приболела она, ты её не тревожь, пусть отлежится.

Алёшка испуганно посмотрел на Прасковью Романовну

— Чем заболела? Когда?

И стал охать и причитать как старичок.

— Давай за лекарем сходим, бабуль? Давай я один схожу? Я помню! Мы с Сашкой пойдем! Он меня в обиду не даст! Пустите нас, бабуль!

— Сашка точно тебя в обиду не даст, — грустно улыбнулась Прасковья Романовна. — Но он что-то тоже захворал, но я его полечила, он теперь спит, отлеживается.

Алёшка замолчал и с недоумением и подозрением стал смотреть на Прасковью Романовну. Чувствовал, что что-то произошло пока он спал. Не помнил Алёшка, чтобы его мамка, когда-то болела, да ещё одновременно с Сашкой. Но вопросов задавать не стал, знал, что если надо, то расскажут. Прасковья Романовна, поняла, что Алёшка всё равно скоро всё поймет, но пугать его ничем не хотела, решила тянуть до последнего.

— Ладно тебе, причитать, пойдем лучше помогать мне будешь, мы теперь с тобой вдвоём на хозяйстве. А дел у нас с тобой невпоровот. Так что пошли, некогда нам раскисать.

Алёшка согласно кивнул, подхватил свое одеяло и помчался вниз. Прасковья Романовна тоже заспешила. Решила надо ему заданий надавать, отвлечь ребенка. Спустившись вниз, Прасковья Романовна застала внука сидящим рядом с Анькой и гладившим её по голове и по руке. Анька крепко спала и дышала чуть слышно. Посидев с матерью, Алёшка пошёл к Сашке, уселся рядом с ним, обнял его лохматую голову и стал петь какие-то свои колыбельные песни, укачивая голову Сашки.

У Прасковьи Романовны навернулись слёзы. Алёшка такой маленький, худой, но с такой недетской мудростью в глазах и сочувствием в голосе. Поскорее бы вернулись мужчины, они уж точно будут знать, что дальше делать.

Чтобы хоть как-то отвлечься от тяжёлых мыслей Прасковья Романовна занялась тестом для блинов и кашей, периодически проверяя Аньку и Сашку. Алёшка недолго посидел с Сашкой и побежал умыться на улицу. В дом он вернулся уже более бодрый и решительный.

— Бабуль, давай я помогу!

— В чём помогать будешь?

— Во всём, давай мне задания! Я сегодня вместо мамки буду!

— Молодец! Ты мой помощник. Давай поешь сначала, а потом вместе начнем все дела переделывать. Сегодня папка должен прийти с дедом, так что нам с тобой поторапливаться нужно, чтобы всё успеть к их приходу.

Алёшка согласно кивнул и начал доставать посуду.

— Бабуль, а ты когда была маленькой, кем мечтала быть?

— Не знаю, когда растешь в деревне, выбор то не велик, да и времена другие были, особо мечтать не приходилось. Но вообще, я очень хотела узнать о мире побольше, как всё устроено. Мне, в общем то, это удалось. Не до конца, конечно, но много я узнала за свою жизнь. Мне грех жаловаться. Живя в лесу, понимаешь природу и немного начинаешь понимать общий замысел.

— Какой ещё замысел? Чей?

— Бога! Ведь кто-то это всё создал? Да так всё тонко продумал.

— Это ты что-то слишком сложное для меня говоришь. Скажи мне лучше, а кем бы ты хотела, чтобы я стал, когда вырасту?

Прасковья Романовна улыбнулась и поцеловала Алешку в макушку.

— Счастливым человеком и оставался им на протяжении всей своей жизни. А уж какой дорогой ты пойдешь, это не важно, главное, чтобы ты этой дорогой был доволен.

— И даже если я стану лётчиком?

— Даже если станешь лётчиком! Если это сделает тебя счастливым пусть будет так.

— Да, я думаю сделает. Ведь это моя мечта бабуль. — Мечтательно подняв глаза к потолку сказал Алёшка. — Представляешь, я смогу по небу долететь к любому челове-

ку, которому нужна будет помощь. Я всем, кому не говорю про это, все хитро улыбаются. Не верят мне.

— Все тебе верят Алёшка. И в тебя верят! Но на твоём пути может много встретиться людей, желающих затушить твой энтузиазм. Твоя задача в том, чтобы сохранить его на прежней высоте. И если ты сможешь это сделать и не поддаваться на их уловки, то постепенно все вокруг тебя им заразятся. Ты, главное, не теряй свое детское озорство. Развивай свое чувство юмора. Ведь если у тебя останется чувство юмора, то тебя невозможно задеть или того хуже унижить. Это будет твой спасательный круг!

— Надо у Якова потренироваться шутить! У него это хорошо получается.

— Да, Яков шутник еще тот. Хороший для тебя пример. Пасковья Романовна накормила Алёшку кашей и молоком с блинами. Когда с едой было покончено она поручила ему вымыть всю посуду и потом пойти проверить готовность картошки для свиней. Сама она пошла в сарай кур покормить. Вместе они за полчаса управились. Потом они вдвоем пошли кормить поросят. Алёшка всем раздал имена и поэтому при каждом удобном случае он с каждым говорил и каждого обязательно гладил.

После они уже направились в огород, где набрали огурцов, тыкву срезали и нарвали щавеля. Сегодня Пасковья Романовна для мужчин решила наварить щавелевого супа, пирог с тыквой испечь и малосольных огурцов с картошкой сде-

лать. В погребе ещё окорок свиной лежит с салом, так что еды у них было в достатке.

Прасковья Романовна, чтобы Алёшку отвлечь, всё время вопросы ему задавала, про моря и страны заграничные, ну и про самолеты, конечно. Алёшка рад был до без памяти, говорил без умолку. Так они вместе до вечера и проболтали.

Анька спала весь день, даже не пошевелилась. Но щёки стали розоветь, значит, скоро на поправку пойдет. Сашка стал дышать ровнее и тише, даже воды попил, значит тоже быстро поправится. Алёшка с Сашкой еще несколько раз поговорил, рассказал ему про все дела, которые он сделал, нагладил его всего, а когда Прасковья Романовна его отправила во двор за дровами, то быстро поменяла ему повязку пока кровь не просочилась. Алёшка ничего и не заметил.

К Аньке Алёшка не подходил, боялся разбудить, Прасковья Романовна сказала, что ей спать много надо, вот он и аккуратничал, только невзначай вставал на цыпочки и смотрел издалека на неё. После обеда прибежал Ванька Старостин и сообщил, что мужики домой собираются, если ничего не случится, то придут сегодня вечером.

Прасковья Романовна рассказала Ваньке про ночное происшествие и велела быстро возвращаться в село и Шурку спрятать. Услышав, что Шурке грозит опасность Ванька вскочил и не попрощавшись пулей выбежал со двора.

Когда стало темнеть Прасковья Романовна с Алёшкой снова накормили всех животных, вместе подоили корову.

После этого, вернулись в дом и стали накрывать на стол к приходу мужчин. Алёшка так был занят всеми делами, что даже не заметил поломанной двери в сенцах и следов от пуля в стене. Когда за окном совсем стемнело, они достали пирог из печи и решили передохнуть. Алёшка взобрался к Прасковье Романовне на колени, обнял её за шею и прижался к ней всем своим тельцем.

— Бабуль, а когда ты была маленькая, у тебя была собака?

— Конечно, была. У всех в деревне собаки были. Это уже как обязательный член семьи. Они везде с нами ходили, всегда у нас была компания. Ведь собака — это почти тот же человек всё понимает, а сказать не может, и инстинктов больше. А так она чувствует всё тоже самое и любит также, а может даже и сильнее. Собак у нас все любили, да и вообще всех животных в деревне любили. С детства нас приучали хорошо с ними обращаться. Ведь животные — это наши кормильцы, а собаки и кошки наши защитники от грызунов и даже от злых духов и злых людей. Так что и ты, Алёшка, всегда хорошо обращайся с живностью и природой. Без этого мы ничто и одни выжить не сможем.

— Бабуль, а что будет, когда я вырасту?

— Не знаю, что будет. Будет только то, что ты сам захочешь. Все мы в руках Бога и ниже его ладоней не упадем. Так что будь смелым и ничего не бойся. Мечтай, смело шагай в неизвестность. Даже если будет очень трудно, не волнуйся и сильно не переживай, значит, нужно усвоить этот урок, что-

бы ты смог добраться до всех вершин о каких только мечтаешь. Знай, всё в жизни временно, если у тебя всё будет хорошо — наслаждайся моментом, а если не очень — не раскисай, знай, что всё пройдет. Главное, никогда не забывай заботиться о людях старых и молодых, больших и маленьких, о зверях, о природе. Главное в жизни человека быть полезным, это его суть, приносить пользу человечеству и земле. Если человек живёт только для себя, он глубоко несчастен. Не всегда он это сразу понимает, но к старости точно поймет, какая пустая и бесцельная жизнь у него была. Так что где бы ты ни был Алёшка, и чтобы ты не делал, кем бы ты ни стал, помни об этом. Не ищи какой-то особый смысл в жизни, жить счастливо вот и весь смысл. Но всегда ставь перед собой цели, большие и маленькие. Иначе твоя жизнь задохнётся. На самом деле я уже знаю, Алёшка, что ты будешь хорошим человеком. Когда я рядом с тобой, моя душа исцеляется.

Прасковья Романовна прижала к себе внука и поцеловала его в макушку. Сегодня ей, как никогда, хотелось рассказать ему всё и обо всём. После произошедшего, Прасковья Романовна вдруг поняла, как быстро и неожиданно может всё оборваться, и она может не успеть сказать последние какие-то важные слова. Их размеренную, тихую и спокойную жизнь теперь уже не вернуть.

— Я тебя люблю, Алёшка, очень сильно. И вся наша семья тебя очень любит. Помни об этом всегда.

Алёшка притих. Никогда он не видел бабулю такой разговорчивой и откровенной. Она больше любила подшучивать над ним и над мамкой, а больше всего над дедом. А вот так, по-взрослому, с ним она говорила первый раз. Он чувствовал большие перемены, которые произошли и ещё будут происходить в их жизни и в их семье.

IV

Отца с дедом Алёшка так и не дождался, заснул прямо рядом с Сашкой на одеяле.

Прасковья Романовна, достала из погреба всё нужное для ужина, сало и мясо окорока. Плотно приставила дверь в проеме. На столе оставила гореть только одну маленькую лампадку.

Анька к вечеру просыпалась, но говорила плохо и бессвязно, начался жар. Прасковья Романовна сменила все примочки на отеках и синяках, смазала все открытые раны, поменяла повязку на ухе, дала Аньке еще один настой из трав от жара и воспалений. Он как и снотворное годился. До завтрашнего вечера Анька не проснется.

После того как закончила с Анькой, Прасковья Романовна перенесла Алёшку на кровать в дальнюю комнату. Он крепко спал, за весь день намаялся, устал. Прасковья Романовна прочитала рядом с ним молитву, благословила его на спокойный сон и вышла в сенцы.

Если не присматриваться, то о ночном происшествии никто и не догадался бы. Только под лестницей оставалось валяться ружьё, которое, к её удивлению, не заметила ни она ни Алёшка, бегавший тут весь день. Прасковья Романовна его аккуратно подняла, никогда оружие не любила, и всегда была против того, чтобы хранить его в доме, но теперь поня-

ла, что Иван Кузьмич был прав, когда настоял на этом. Ружьё она отнесла на его законное место, за печку.

Когда во дворе послышались шаги, Прасковья Романовна вышла в сенцы и с трудом отодвинула дверь из проёма. Недалеко от порога уже стоял Игнат, Иван Кузьмич и Яков. Игнат сразу вбежал в дом. Прасковья Романовна, глядя на Ивана Кузьмича чуть не разрыдалась. Глаза наполнились слезами. Весь день держалась ради Алёшки, а сейчас накрыла волна горечи, страха и обиды. Иван Кузьмич крепко обнял Прасковью Романовну.

— Ну что ты голубушка, не плачь, моя милая. Я с тобой. Я здесь. Что произошло, рассказывай лучше?

Они присели на лавку у дома, и Прасковья Романовна всё в подробностях рассказала о прошлой ночи. Иван Кузьмич, пока она рассказывала всё крепче сжимал кулаки, но ни слова не проронил. Яков выкурил не меньше трех самокруток и всё качал головой. Когда Прасковья Романовна закончила с рассказом и немного успокоилась они зашли в дом.

Игнат сидел у кровати Аньки, гладил её по голове и целовал руки. Сердце разрывалось от тоски глядя на всё это. Казалось, Игнат с трудом сдерживал слезы.

— Мам, как Алёшка? С ним всё нормально? — Сдавленным хриплым голосом спросил Игнат.

— С ним всё хорошо, сынок, он спал. Он ничего не видел и не слышал. Сейчас пойду его проверю, а ты побудь ещё тут.

Прасковья Романовна вышла в дальнюю комнату, где спал

Алёшка больше для того, чтобы не разрыдаться на глазах у сына и снова успокоиться чем чтобы проверить его сон. Она знала, если бы Алёшка проснулся уже висел бы на шее у отца. Посидев рядом с внуком несколько минут, Прасковья Романовна вышла в большую комнату. Мужчины сидели за столом и о чем-то тихо говорили. Прасковья Романовна стала накрывать на стол. Хотя они и пытались протестовать, но она настояла, что поесть нужно, на голодный желудок голова хуже соображает.

Мужчины молча ели. Игнат всё время бросал взгляды на дверь комнаты, где спала Анька. Лица на нём не было. Одели маску человеку на лицо. Было видно, как сильно он страдает и мучается.

Закончив с едой, мужчины стали решать, что делать дальше.

— Аньку нельзя в таком состоянии в лес забирать, не переживет девка, — грустно констатировал Яков и открыв настежь окно, закурил трубку.

— Но и тут я её не оставляю, на съедение этим волкам. Мы там место для нее организуем, позаботимся о ней, — с горечью заявил Игнат.

— Может засаду выставим в лесу у дома? Будем дежурить поочередно. Ещё мужиков соберем, авось, выловим гадов? А если нет, то, как только Анька очухается уйдем все в лес, — предложил Иван Кузьмич.

— Да, засада самый лучший вариант. Двух зайцев убьем

сразу и Аньку подлечим и этих отвадим, а может и прикопаем в лесу, — согласился Яков.

— Если это Стёпкины подручные были, то они тут весь лес сожгут, чтобы нас выкурить, — добавил Иван Кузьмич.

— Да, надо бы про них всё узнать в селе. Давай Прасковья Романовна описательный портрет этих уродов, пойду в село буду визнавать, что они затевают, — по новой закулив трубку сообщил Яков.

— Яков, да куда ты пойдешь!? Умом тронулся на старости лет? А если прознают? Убьют тебя на месте даже не сомневайся! Лучше я пойду, наряжусь в пьяницу, измажусь сажей, повалюсь под кустом пару дней, да всё узнаю. Анька же смогла незаметной пробраться, и я смогу, — сказал Игнат.

— Да какой из тебя пьяница ты сам подумай?! Длинной с косую сажень, да и в плечах небось такой же, хороший пьяница, ничего не скажешь, — заметил Иван Кузьмич.

— Тогда я пойду, стану на рынке поторгую ягодами да грибами, небось всё расскажут мне бабы местные. Тем более я видела их, хоть и издалека, но голос даже слыхала, — предложила Прасковья Романовна.

— Нет, ты что? Тебя не пущу из дома! Никуда даже и не собирайся, я сам пойду. Я тоже торговать могу, хотя бы медом! — Непререкаемым тоном заявил Иван Кузьмич. — А что? Думаешь только у тебя есть чем торговать? — Удивленно спросил он у Прасковьи Романовны, когда увидел, как она качает головой. — У меня тоже наберется, да небось и

поприбыльней, чем у тебя дельце будет, — с обидой заявил Иван Кузьмич.

— Я тогда с тобой пойду! А то ты наторгуешь там, знаю я тебя. Так сказать, для безопасности буду рядом! И тем более два старика подозрений не вызовут и прикрою если что? Ага? — Сориентировался по ситуации Яков.

— Ты ведь не отстанешь, Яков, правда? — С обреченным видом спросил Иван Кузьмич.

— Сам всё знаешь. Так что же зря пустые разговоры говорить? Вы же моя семья, ты мне как брат, а Анька мне как дочь. Что же мне сидеть прикажешь на ёлке? Так я не взберусь, староват, знаешь ли. — Развел руки в стороны Яков.

— Ладно, если других предложений не имеется тогда решено, завтра выходим. Пошли тогда готовить товар что ли? Эх, коммерсанты, итить её мать, — махнул рукой Иван Кузьмич и поцеловав Прасковью Романовну в лоб, пошёл во двор.

Яков молча последовал за другом. Игнат сидел чернее туши, желваки на скулах ходуном ходили. Прасковья Романовна присела рядом и стала гладить Игната по спине и по голове.

— Ничего Игнат, всё образуется. Анька поправится, я ей трав дала для сна, она поэтому так крепко спит. Во сне боли не чувствуешь и заживает всё быстрее. Пусть она отдохнёт. Всё наладится.

— Уже ничего не наладится. — Строго сказал Игнат. —

Посмотри, что кругом творится? Они от нас не отстанут. Это только начало. Вспомни, что с Анькиной семьей сделали? Мы должны уехать. И как можно дальше. Я не собираюсь в это ввязываться, тут не знаешь кто прав, кто виноват, не знаешь, кто за кого. На лошадях за месяц можем до Польши добраться, или до Одессы, а там через море в Болгарию, а потом решим, что делать.

— Мы не дойдем Игнат, нас по дороге пристрелят или в лесу прикопают, как Яков сказал. Нужно много провизии брать и Якова не оставишь одного. И как вы будете с нами стариками валандаться в дороге? Авось, скоро всё пройдет, устаканится. Это наше родовое место, оно нам поможет и укрыться, и прокормиться, нам тут духи предков помогают...

— Мам, да что за глупости? Какие духи? — Перебил Прасковью Романовну Игнат. — Под угрозой все наши жизни! Мы не можем просто сидеть и смотреть на всё происходящее. Надо сейчас действовать, пока везде суета и неразбериха мы можем проскочить. Нам всё равно не выжить тут. Всё изменилось, мам. Если бы ты слышала, что мужики в лесу говорят. В селе и в соседних деревнях просто ужасы творятся. Людей убивают без суда и следствия. Из домов выносят всё, что можно унести. В городах уже голод начался, в деревне пока лето люди могут прокормиться, а зимой что будет никто не знает.

— Ох, не знаю я что и делать, — растерянно сказала Прас-

ковья Романовна. — Как же мы всё это бросим? Мы с отцом всю жизнь тут прожили. Всё для вас строили. Как же мы всё это бросим?

— Мам, мы найдем другой дом ещё лучше этого. Как только Анька немного поправится будем выдвигаться. Я с отцом уже обговаривал это, он был не против. Правда, он сам хотел с тобой поговорить, ну ничего, авось, не осерчает на меня за болтливость. И Якова с собой возьмём, если он захочет. Есть ещё две семьи, которые с нами ехать согласны. Нужно будет и Шурку уговорить ехать, ей теперь тут тоже небезопасно. Может, ещё кто пойдет. Мам, прорвемся. Потом смеяться все вместе будем, как ты боялась.

— Ладно сынок, раз вы всё решили, то я спорить не буду. Куда вы туда и я. На всё воля Бога. Иди помоги отцу, а я пойду Аньке поменяю примочки.

— Мам, можно я с ней чуток посижу?

— Конечно, сынок, иди к ней

Игнат ушел в комнату к Аньке, а Прасковья Романовна вышла в сенцы спросить какая помощь нужна мужчинам.

Игнат подошел к тихо спящей Аньке и присев на пол рядом с кроватью, лицом уткнулся в её крошечную ладошку. Она ему показалась такой маленькой и беззащитной. Анька всегда была худышкой и легкой как пушинка, а сейчас, казалось, что совсем растаяла. Сердце у Игната сжалось при виде жены в таком состоянии. Комок подступил к горлу и глаза предательски защипали от подступавших слез.

— Ничего милая, скоро всё это закончится. Ты у меня боец. Анька, какая же ты смелая? Я даже и не представлял, что у меня такая храбрая жена. Я люблю тебя милая моя, больше жизни. Выздоровливай скорей, ты нам так нужна.

Игнат действительно любил Аньку больше жизни. И любил её, как только увидел, с первого взгляда. Анька, конечно, даже не смотрела в его сторону, поклонников у неё всегда была туча. И это не удивительно, потому что она действительно была красивой очень, глаз не отвести, характер при этом у неё всегда был весёлый и задорный. Только пережитые страдания наложили на её глаза отпечаток глубокой тоски, но не озлобили её.

Анькины родители бежали в их края с Дона. Её отец был атаманом в казачьем войске и даже несколько лет служил в Москве в царской охране. Но что-то вышло там и ему пришлось вернуться домой, на малую родину, а он и рад был. Дома, с семьей живётся куда лучше и приятней.

У Аньки было ещё три брата, два старших и один младший. После того как «Сырец»⁶ затеял рассказывание⁷, им

⁶ Сергѣй Ива́нович Сырцо́в — советский партийный и государственный деятель, третий председатель [СНК РСФСР](#). Один из главных идеологов рассказывания в [Области Войска Донского](#).

⁷ Рассказа́чивание — политика, проводившаяся большевикам в ходе Гражданской войны и в первые десятилетия после неё, направленная на лишение казаков самостоятельных политических и военных прав, ликвидацию казаков как социальной, культурной общности, сословий Российского государства. Политика рассказывания вылилась в итоге в массовый красный террор и репрессии против казаков, выражавшиеся в массовых расстрелах, взятии заложников, со-

всем пришлось бежать в разные стороны. Надо было конечно этого Сырца ещё в Ростове добить, чтобы не повадно было, когда там была соответствующая обстановка.

Натравили на казаков всех, кого можно и крестьян, и рабочих. Всего людей лишили: домов, скотины, земли. И теперь тоже самое делают только уже со всеми остальными. Конечно, теперь всё на благо Советов. Сейчас люди забыли, что они люди. Почти всю Анькину семью убили.

Два старших брата погибли, давая отпор всем этим мародёрам, когда всё это началось. Когда Анькин отец узнал об их гибели то сразу собрал всю оставшуюся семью, и они пешком ушли на север. В этих краях у него жил брат. Дорога у них была тяжелая. Шли больше месяца, осенью в холод. Все переболели дорогой, но добрые люди помогали, кто едой, а кто ночлегом. Анькин отец быстро сдавал. Когда пришли в село он уже был стариком. Ничего уже не говорило о его прошлом. Никто бы и не подумал, что этот седой старик был бравым атаманом.

После того как их обустроили в пустой избе почти на краю деревни, он почти сразу умер. Как будто бы ждал специально, когда семья будет в безопасности. Младший Анькин брат, после смерти отца решил в леса уйти, когда там обра-

жжении станиц, натравливании иногородних на казаков. В процессе рассказывания также проводились реквизиции недвижимого и движимого имущества, в том числе, домашнего скота и сельскохозяйственной продукции, переселение крестьян из числа малоземельных народов, иногородних и бедняков на земли, ранее принадлежавшие казакам, выселения целых хуторов и станиц.

зовалось белое подполье, и больше о нем никто не слышал. А Анька с матерью остались вдвоем.

Когда Игнат впервые увидел Аньку, то сразу понял, что она будет его женой. Есть такие люди, которые своей уверенностью в завтрашний день, могут исполнять желания. Вот Игнат и был как раз из таких людей. Он был человек-гора. Всегда невозмутим и непоколебим, окутанный ореолом спокойствия. Рядом с ним всё и все становились тише, спокойнее, миролюбивее.

Когда они первый раз встретились Аньке было шестнадцать лет и Игнат терпеливо ждал, когда она станет взрослой. Но всё равно присматривал за ней, хоть и издалека. Близко Анька к себе никого не подпускала, и Игнат решил признаться в своих чувствах на исходе её семнадцатого года. К тому моменту Игната она уже, конечно, разглядела и почти сразу согласилась, для проформы, помучила парня минуты три, а потом кивнула. Игнат хоть и не сомневался в её ответе, но эти три минуты сильно мучился.

Свадьба у них была скромная, не как в деревне привыкли по три дня гулять. В субботу днём обвенчались в церкви, а вечером собрались семьей в доме у родителей Игната. Со стороны Аньки была только мать и две подруги.

После их свадьбы Анькина мама не долго прожила и года не прошло как умерла от тифа. До этого болела очень, тосковала сильно по мужу и сыновьям, видно дождалась пока дочь в хорошие руки попадет и сдалась. Анька долго горевала.

ла, по ночам плакала, а днём в лесу пропадала.

Прасковья Романовна, как могла утешала невестку. Разговаривала с ней вечерами, научила её ткать по-особенному, чтобы хоть какое-то развлечение было. Делилась женскими секретами. Прасковья Романовна всегда хотела дочку, но у неё было три сыночка. Она их любила конечно, но поговорить ей особо не с кем было, вот она и грустила вечерами.

Когда Игнат привел в дом Аньку, знакомиться с семьей, Прасковья Романовна сразу её полюбила и приняла как родную. Это Аньку и спасло. Вытащило её из темной ямы тоски по родным. Со временем Анька приняла всё, видно выплакалась и смирилась. Оно и верно, ведь как ни крути участь у всех одна. Кто-то раньше кто-то позже, но все там будут. Нужно учиться жить сегодняшним днем.

А когда родился Алёшка, то Анька почти прежней стала, только еле уловимая печаль в глазах и две глубокие морщины между бровей говорили о пережитом горе.

Алёшку все очень ждали и, когда Анька беременной ходила, все над ней тряслись как над китайской вазой. Подкармливали Аньку чем-то вкусненьким и строго настрого запретили работать. Она, конечно, не слушалась и всё равно помогала по дому. Без дела то уж точно сидеть нельзя, и для ребенка полезно подвигаться, всегда оправдывалась будущая мать перед родными.

В то время она и поняла, какая у неё необыкновенная новая семья. Первые три года жизни в этом доме прошли как

в тумане, и она их почти не помнила. Помнила только жуткую тоску и щемящее чувство безысходности в груди. Нельзя никого вернуть, нельзя никого обнять. Все далеко, а она осталась совсем одна во всем мире, ведь правильно же говорят, что когда плачут по умершим, то жалеют прежде всего себя, а не их.

Анька точно знала, что умершим уже всё равно до её земных дел и волнений, а она ещё тут и ей ещё надо достойно пройти свой путь до конца. От всей этой нестерпимой тоски две первые Анькины беременности закончились преждевременно. Но к третьей Анька уже собралась с силами и как будто стала просыпаться и отходить от кошмара.

Вспоминая всё это, Игнат еле сдерживал слёзы сидя рядом со своей любимой женой, которой так много пришлось пережить, а теперь ещё и это. Посидев еще пару минут с Анькой, он с неохотой встал, поцеловал её и вышел на улицу.

Прасковья Романовна была в сенцах, где протирала банки и черепки для меда. Яков с Иваном Кузьмичом уже прикатили бочку с мёдом из сарая и собирались её разливать в подготовленную тару. Меньше чем за час разлили тридцать банок и три маленьких бочонка. А больше и не надо было резонно заметил Яков. Всё равно покупать то его никто не будет, не до мёда сейчас людям.

Управившись с мёдом, Прасковья Романовна приготовила всем на ночь постели, воды нагрела на костре, чтобы помыться можно было. Баню щас не затопишь, дыма много

от неё, сразу «черти» набегут на огонёк. Но мужчины, прожив несколько дней в лесу и этому были очень рады. После банных процедур приступили к тщательному Сашкиному осмотру. У Ивана Кузьмича и у Якова был большой опыт работы с животными всех мастей и пород. В молодости Яков несколько лет проработал на конюшне, а там и собак и кошек было в избытке, всякое случалось. Иван Кузьмич же ещё своим дедом был обучен как домашнюю скотину лечить и выхаживать в случае чего. Ведь хозяйство в деревнях всегда большое было и помощи иной раз не дожидаться, поэтому нужно было уметь самим справляться с любой напастью.

Сашкин осмотр показал, что кроме открытой рваной раны у него было сломано ребро и травма головы от сильного удара. Хорошо ещё, что внутренние органы не задеты были. На грудную клетку наложили ещё одну тугую повязку, чтобы ребро было обездвижено и не повредило легкие. Когда с медицинским осмотром и первой помощью было покончено, мужчины отправились спать, сделав указания Прасковье Романовне по дальнейшему лечению Сашки на завтрашний день.

Игнат спать отказался, сказал, что будет караулить дом всю ночь. Никто возражать не стал, дозорный в их ситуации не помешает. Когда все разошлись Игнат забрался на чердак и сел возле окошка, сна не было ни в одном глазу. За окном стояла всё такая же тихая и светлая ночь. Облаков почти не было, поэтому на улице было очень светло от яркого месяца.

Игнат ещё несколько раз прокручивал у себя в голове все события прошлой ночи. От злости и гнева его челюсти были так сильно сжаты, что казалось могут в какой-то момент треснуть зубы. Погрузившись в свои мысли, он не заметил, как стал разговаривать сам с собой.

— Да что это за люди такие? Они вообще могут быть людьми после того, что сделали? Мамка сказала, что они видели только Аньку, значит думали, что она одна или с детьми и всё равно убить её хотели. Теперь, конечно, поздно возвращаться назад чтобы все правильно начать или исправить, но ещё не поздно устремиться вперед, чтобы все правильно закончить. — Немного успокоился от этих мыслей Игнат.

До самого утра он был в раздумьях о предстоящем отъезде. О возможностях, которые перед ними откроются в другой стране, где нет войны и том как найти обидчиков его жены.

VI

Перед рассветом, Игнат спустился вниз. Прасковья Романовна уже накрывала стол, отец с Яковом о чем-то тихо говорили за столом.

— Игнат, я вот твоему бестолковому отцу говорю. Давай легенду придумаем? Нужна же история откуда мы, чтоб без подозрений. А он всё заладил никто у нас ничего не спросит, и что мол актёр он плохой, и всё равно всё забудет по дороге, так что нечего и придумывать даже. — Выпалил Яков на одном дыхании, как только увидел в дверях Игната.

— Так я и не вру! — С обидой в голосе возразил Иван Кузьмич. — Это ты у нас актер от Бога, а мне до тебя далеко. Я вон даже сказку Алёшке по памяти не могу рассказать, чтоб захватило его. У меня не выйдет всё это. Я сорок лет только с пчелами да с тобой говорю. Откуда только в тебе это всё взялось?! — Махнул рукой на друга Иван Кузьмич.

— Это талант, друг мой сердешный! Его как говорится, не пропьешь. — Хитро улыбнулся Яков. — Ладно, тогда по-другому поступим. Ты если актер никудышный, то будешь немым, а если кто незнакомый подойдет, то ты мне братом приходишься, лучше конечно двоюродным, а то мы с тобой особо и не похожи. Может даже троюродным скажу. — Прищурившись стал всматриваться в своего друга Яков, как будто первый раз его видит. — А что ты смеешься Игнат? Не мо-

жет же быть у такого красивого мужчины как я, такой близкий родственник? — С улыбкой подмигнул Яков.

— Хорошо буду немым. Уж лучше роль немого играть, чем балагура или шута горохового. — Разобиделся Иван Кузьмич.

— Ладно, не завидуй мне Ваня, уже возраст у нас с тобой не тот, чтобы талантами мериться. Хотя, если бы было чем мериться мне с тобой, то конечно можно было бы. — Не переставал подтрунивать над другом Яков. — Ну всё всё, я молчу. Ты видал Игнат, как батя твой зыркнул на меня? Я думал щас за ружье схватится! Аж сердце прихватило, ведь не ожидаешь же такого от родственника хоть и дальнего.

Игнат смеялся, хоть и не громко и рукой прикрывался, чтобы в голос не захохотать, но сдерживался с трудом. Прасковья Романовна тоже улыбалась, но при этом ещё не одобрительно качала головой в сторону Якова. Не могла же она своего любимого мужа оставить одного в такой ситуации и уж тем более открыто подсмеиваться над ним. Она знала, что муж у неё очень уж ранимый и обидчивый на шутки, поэтому старалась его лишний раз не поддевать.

Яков умел создать атмосферу. С ним было хорошо и в радости, и в горе, никому не давал тосковать больше положенного. А, по его мнению, положенное это день, ну два максимум. А дальше баста, надо и радоваться начинать. Праздновать жизнь и наслаждаться ею.

От шума на кухне проснулся Алёшка, а услышав тихие

мужские голоса, выпрыгнул из кровати и бросился отцу на шею.

— Папка, когда ты пришёл? Где ты был? Что ты делал? А о чем вы говорите? Ты видел мамку? Видел Сашку? Бабушка тебе рассказала? А вы уже поели? Пап, а можно пока мамка болеет, я с тобой побуду? Деда, а можно...

— Тихо, тихо пулеметчик! И в кого такой говорун? Яков может ты и вправду наш родственник? Гляди как похож, — засмеялся Иван Кузьмич, нежно потрепав Алёшку по голове.

Все мужчины засмеялись. Алёшка как победное знамя перекочевывал из одних рук в другие. И всем он успевал что-то сказать и что-то обязательно спросить. Прасковья Романовна стала доставать из печки чугушки с кашей, картофельной запеканкой, яйцами. Из сенцев принесла молоко и хлеб. Для Алёшки достала из погреба груши в меду. Мужчины быстро поели и вышли во двор обсудить предстоящий поход в село. При Алёшке особо не поговоришь, он своими вопросами всех засыпал. Прасковья Романовна ему строго наказала всё доесть и только потом болтать, как трещётка.

На улице уже начинало светать. Из-за леса уже кое-где появлялись солнечные лучи. Мужчины отошли от дома и присев на завалинку закурили.

— Игнат, ты остаёшься дома. Следи за лесом, ружье поближе к себе держи. Если вдруг облава или беда какая, главное успеи запалить костер побольше, мы с Яковом из села увидим и подмогу приведём если что.

— Понял, но вы там тоже не зевайте. Там каждый стукачом может быть, так что особо не болтайте.

— Да это мы с твоим отцом и сами знаем. Уж не первый десяток живём, в людях немного разбираться научились.

— Сейчас другое время Яков, если вас схватят, пошлите кого-то к нам. Подговорите мальчишку какого-то надёжного, пусть за вами следит и если что не так, пусть сразу сюда бежит. Вон хоть Ваньку Старостина, он точно стучать не будет, у него отца полгода как расстреляли. Сейчас у тетки перекантовывается, боится из ним теперь тоже придут. Дьдку его тоже недели две назад арестовали, говорят расстреляют. Надо ему сказать, чтобы с нами уезжал отсюда, он тут один много не навоюет.

— Да, такие помощники и надёжные люди как Ванька нам в дороге не помешают. Нужно поговорить с ним сегодня. Ну ладно сынок, мы твоё напутствие поняли, пойди лошадь нам запряги, и мы пойдём с Яковым потихоньку.

Игнат, пошёл в противоположную сторону двора, где стояла лошадь. Зайдя в сарай, он стал складывать рядом хомут, шлеи, супони, сиделку, чересседельник, дугу и после стал заниматься упряжкой.

— Яков ну что ты думаешь по всей этой затее? Получится у нас? — Спросил Иван Кузьмич.

— Да все получится! Мы с тобой два старика торгующих мёдом и любители посплетничать, вот и всё. Если эти ироды там появлялись, уже всё село о них знает, нам и спраши-

вать ничего не придётся, сами всё разболтают. А вот если в лесах хоронятся, то посложней будет. Если стрелянный ещё живой, то Седой в селе точно объявлялся, хотя бы за лекарствами какими. А судя по тому, как его Сашка отделал, немеченым он точно не останется.

— Ладно, будем смотреть по обстоятельствам.

Через несколько минут к ним подошёл Игнат.

— Всё готово, давайте загружать мёд и можете выдвигаться.

Игнат подвел лошадь, запряженную в телегу к дому, и втроём они быстро перенесли мёд. Как раз когда всё уже было готово к отъезду на улицу вышла Прасковья Романовна с Алёшкой.

— Дед, а куда ты едешь? Возьми меня с собой. Деда ну пожалуйста. Мамке никто ничего не скажет. — Повис на руке у Ивана Кузьмича Алёшка.

— Алёшка перестань, дед в село едет по делам, ему некогда за тобой смотреть, — строго сказал Игнат и взял Алёшку на руки.

— Так за мной смотреть не надо я и сам за всеми смотреть могу. — Немного обидевшись сказал Алёшка.

— Мы скоро с тобой поедem в дальнее путешествие, накатаешься вволю, так что не хнычь, потерпи немного. — Решил успокоить его Игнат.

— Ого, правда? А куда? А мамка с нами поедет? А бабуля? А как же Сашка? А надолго? — От счастья и радости

Алёшка стал захлебываться вопросами, лившимися из него как из рога изобилия.

— Ох, Алёшка, какой же ты нетерпеливый, всё скоро узнаешь, — покачала головой Прасковья Романовна, после чего подошла к Ивану Кузьмичу с Яковом и перекрестив их обоих поцеловала в лоб. — Ну с Богом, мы вас ждем, возвращайтесь скорее живыми и здоровыми.

— Всё будет хорошо Прасковья Романовна, я уж вашего муженька для вас сберегу, будьте покойны. — Хитро улыбнулся Яков.

Иван Кузьмич с грустью на лице кивнул и, взяв за поводья лошадь, повел её со двора. Яков махнул кепкой и не спеша пошёл следом, насвистывая какую-то задорную мелодию. За воротами оба сели в телегу и медленно покатали в сторону села.

Прасковья Романовна чтобы скрыть свое волнение сразу стала хлопотать по дому. Игнат быстро натаскал дров, развел маленький костер, на который поставил котел для корма животным. Сегодня нужно быстро управиться и начать готовить вещи к отъезду. Алёшка ходил за отцом по пятам, помогал ему во всем и без остановки что-то рассказывал. За пару часов они вдвоём управились почти со всеми домашними делами.

Прасковья Романовна за это время сменила повязки у Аньки и Сашки. Сашка уже выглядел получше, даже хвостом вилял и немного поел. Это хорошо, подумала Праско-

вья Романовна, значит скоро оклемается.

Анька тоже поправлялась, жар спадал, глаза даже на минутку открывала, просила пить. Прасковья Романовна снова напоила её своими настоями из трав, и еще раз нанесла мази на поврежденные части тела. Отеки на лице уже стали спадать, не зря значит в первую ночь несколько часов подряд она ледяные примочки делала. Прасковья Романовна всё пыталась занять голову мыслями об Аньке и домашних делах, но в голове крутились только слова Игната о предстоящем отъезде.

Она с ужасом представляла себе эту авантюру. За всю жизнь ей не случалось никуда далеко из села выезжала. Только пару раз была в районном центре, да несколько раз в соседних деревнях. Одичала, стало быть, подумала про себя Прасковья Романовна. Правильно Игнат говорит, где моя семья там мой дом. Мы новый дом построим ещё лучше прежнего, главное, чтобы все живы были, успокаивала она себя. Это помогало, но не сильно.

Скоро в дом забежал Алёшка и с важным видом сел напротив Прасковьи Романовны и твердо заявил:

— Хватит от меня по углам шептаться!

— А кто это шепчется? — Недоуменно заявила Прасковья Романовна.

— Вы все и шепчетесь! Думаете я совсем не вижу ничего и раз младше вас, то стало быть и не понимаю ничего?

— Да никто не думал от тебя шептаться! Что ты на выду-

мывал себе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.